

САМАЯ
СТРАШНАЯ
КНИГА

МАКСИМ КАБИР

ПИКОВАЯ ДАМА

Максим Ахмадович Кабир

Пиковая Дама

Серия «Самая страшная книга»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53822447

Пиковая Дама: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-119113-9

Аннотация

«Пиковая Дама, приди!» Слова, которые, как гласит старинное поверье, надо произнести несколько раз, стоя перед зеркалом, чтобы призвать таинственный призрак. Мистический обряд, который многие воспринимают как шутку, веселое и немножечко жуткое развлечение. Но с зеркалами не шутят, ведь Зазеркалье – это мир мертвых. И горе тем, кто играет с духами умерших.

Два романа под одной обложкой. Две книги в одной – две новинки от Максима Кабира, лауреата премий «Рукопись года» и «Мастера ужаса», автора книг «Скелеты» и «Призраки». Две истории о том, как обычные подростки попытались вызвать Пиковую Даму – и к каким ужасным последствиям это привело. История самой Дамы – мстительного призрака, который не остановится, пока не заберет души тех, кто его позвал.

Читайте на свой страх и риск. И – не смотрите в зеркала...

Содержание

Черный обряд	6
1	6
2	22
3	27
4	31
5	32
6	34
7	39
8	41
9	47
10	50
11	64
12	73
13	81
14	86
15	92
16	108
17	112
18	118
19	125
20	132
21	137
22	142

Конец ознакомительного фрагмента.

Максим Кабир

Пиковая Дама

© Максим Кабир, текст, 2020

© ООО «Форс Медиа», обложка, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Черный обряд

1

Ветка клена скребла по подоконнику жалобно-жалобно. Цокала о стекло, словно о чем-то предупреждая. Из гостиной лились веселые беспечные голоса, тренькало мелодично – Матвей перебирал струны акустической гитары. Наигрывал что-то бодрое. Но Ане казалось, будто от друзей ее отделяет немыслимая пропасть: километры темного коридора. И она поседет в лабиринте огромной выхолощенной квартиры, прежде чем вернется к остальным.

Распалая богатую фантазию, протяжным скрипучим зевком затворилась туалетная дверь. Затих, булькнув, гулкий бачок. Аня застыла в размазанном шлепке света. Лампочки здесь были бессильны противостоять могущественной темноте. Сколько бы энергии они не производили, их смелость, сумасбродная отвага, измеряемая в киловаттах, испарялась перед духом квартиры: маленькие рыцари-лампочки постоянно гибли, словно поедаемые драконом, обитающим в щелях, в углах, гнездящимся на пыльных антресолях. Но про антресоли Аня старалась не думать.

Она переминалась с ноги на ногу в световой лужице, натекшей из ванной. Кухня – самая обыкновенная, напичкан-

ная современной техникой – белой, гладкой, блестящей, – сейчас превратилась в мрачное обиталище теней. Вон высокий бесплотный визитер притаился за чуть шевелящейся занавеской. Голубая ткань вздымается и опадает в такт с его дыханием. Вон тень-кот вальяжно курсирует по полке, хотя у Рюминых нет котов. Аня мечтала о питомце, но мама отказывалась наотрез. Ссылалась на аллергию. Чистой воды вражье.

Лысый клен покачивался в блеклом прямоугольнике окна. Тыкался в карниз. Ветер бодал стеклопакеты. Была ранняя весна, холодная и враждебная.

Аня стиснула кулаки, напомнила себе, что она давно не ребенок. Семикласснице зазорно бояться собственной квартиры – даже такой угрюмой и бессмысленно большой. А после того, как папа съехал от них, квартира увеличилась вдвое, разрослась непомерно. И вместо папы завелись слепленные из сгустков темноты квартиранты. Таинственные соседи, прячущиеся от глаз.

Вот почему, узнав, что мама опять уезжает по своим чертовски важным антикварным делам, Аня позвала гостей. Было невыносимо куковать тут одной, когда мимо межкомнатных дверей крадутся тени, когда петлистые силуэты возникают на потолке, а мысли об антресолях назойливо лезут в голову.

Аня твердила, что это просто подъемный кран моргает маячками, двигает стрелой снаружи. Просто сквозняк колы-

шет занавески, просто дерево царапает мокрую карнизную жуть. Привидения бывают только в кино и в книгах.

«Ты должна помогать мне», – говорила мама устало.

И она не обременяла маму глупыми тревогами.

Аня лишь надеялась, что пока она мнется у туалета, гости переключились на другую тему. Перестали обсуждать штуки, которые пугают и днем, а уж поздно вечером... среди маминого старинного барахла...

Кран обронил в мойку каплю. Загудели печально трубы. Ветер выл, продувая каркасы соседних недостроенных зданий – скелеты, торчащие в голом поле. Сверху микрорайон походил на груду вымерших великанов, чья плоть истлела, оголив бетонные кости.

Вообще-то Ане нравилась кухня. Иероглифы на духовке, белоснежный японский холодильник. Новые вещи, а не старье, которое мама покупала в тридорога. Все те тумбы, обветшалые столики с шахматными квадратиками на столешницах и ящичками для ферзей и пешек, плетеные детские колыбели (дети, агукавшие в них, давно выросли, постарели и умерли)... За антиквариатом тянулся шлейф чужих историй. Не всегда приятных. Их уголки были отбиты, позолота осыпалась, червоточины испещрили дерево. Иные предметы появлялись и пропадали, перепроданные. Иные задерживались, и папа умолял арендовать помещение и складировать их там или свозить на дачу с глаз долой.

Но мама не слушала, а на дачу в итоге уехал отец. В ЗАГС,

а потом – на дачу. У него там и водопровод, и газ, и ванна, и четвертый «PlayStation». Куда лучше, чем жить в музее.

– Что это за рухлядь? – ужасался папа очередной покупке.

– Сам ты рухлядь, Антон, – парировала мама. – Это парадное ложе. Девятнадцатый век! И ты за полгода не заработаешь в своей мастерской столько, сколько оно нам принесет.

Аня вздохнула. Прислушалась. Смех, бренчание гитары. Нормальные разговоры, возможно, о сериалах «Марвел», аниме или о «Евровидении».

«Трусишка», – укорила она себя.

Погрозила пальцем клёну, оставив включенным свет в ванной, посеменила на звук голосов.

Мама скептически относилась к великовозрастным друзьям Ани, но к чему мама не относилась скептически? Ах да, к парадному ложу и задвижной кровати для прислуги. Будто несколько лет разницы имели какое-то значение. Будто Кате неинтересно с Аней. Еще как интересно! И любую беседу она в силах поддерживать. Ровесники скучные, а со взрослыми ребятами есть о чем поболтать. И здорово же, что пока мама путешествует по нудным аукционам, охотится на раритетную мебель, Аня может скоротать вечер с умными и веселыми соседями.

– Мы переживали, что ты заблудилась, – лопоухий Чирик перевел на Аню глазок камеры. Про Чирика мама не знала – достаточно ей было одиннадцатиклассника Матвея и Кати, вообще студентки техникума. Чирик слыл раздолбаем,

его даже в полицию забирали зимой, за то, что исследовал окрестные стройки. Достали горяченького с шестого этажа обледеневшей коробки. А Аня считала Чижика классным и смешным.

– Снова снимаешь? – Аня показала мобильнику язык.

– Для моего блага, – пояснил Чижик. – Это у нас Анька, хозяйка музея. Зацените, чуваки. – И Чижик, для подписчиков, коих набралась уже сотня-другая, повел камерой по антиквариату.

Гости скучились в центре просторной комнаты. Люстра под высоченным потолком цедила неяркий свет, фаршировала гостиную обязательными вездесущими тенями. Матвей и Чижик сидели на полу, красавица – на тосканской тахте. Вокруг них дыбилась, горбилась, пылилась воплотившаяся в деревянных чудовищ история. Лакированные, золотистые, почерневшие от времени, отремонтированные и нуждающиеся в ремонте кушетки, мердьены, кресла-бергеры и кресла-сундуки. Мамина гордость и главный доход Рюминых. Порой Аня задавалась вопросом, не эти ли колченогие уродцы изгнали отца из дома? Не потому ли он ушел год назад, что, вкалывая в поте лица, получал копейки, особенно если сравнивать с маминым доходом?

«Какому мужчине, – думала смышленая Аня, – приятно зарабатывать меньше жены? Да никакому!»

И то, что Рюмины жили в непомерно огромной квартире, в новенькой высотке в расширяющемся перспективном

микрорайоне, – это заслуга мамы. Мамы и ее виндзорских кресел, а не папиного старания.

– Это что? – Чижик указал на ящик, драпированный шелком, увитый виноградным узором.

– Шкафчик для Библии, – сказала Аня, устраиваясь возле Кати. Она поднаторела в таких вопросах, хоть сейчас на аукцион.

– И что, – спросил Матвей, – это правда стоит больших денег?

– Правда. – Аня поджала под себя ноги. – Ему сто пятьдесят лет. А тому зеркалу – все двести.

Старшие друзья осмотрели с уважением метровое зеркало в раме из дуба. Оно стояло на длинном приземистом комоде. Узкое, напоминающее окно-бойницу. Орнамент рамы имитировал дорические колонны – Аня нахваталась от родительницы мудреных терминов. Мама ведь только о мебели и говорила. Денно и ночью.

Амальгама была темной, какой-то противно грязной, сальной, в мушках, словно мелкие насекомые забились под стекло и дружно подохли. Вверху зеркало растрескалось, разделилось на ячейки. Зигзагообразная трещина змеилась вдоль рамы до нижней части. Разбивала надвое отраженный шкаф – коричневый шкафище с мраком и пылью внутри.

– Тебе не бывает здесь страшно? – вдруг спросила Катя.

– Нет, – быстро ответила – соврала – Аня. Не хватало прослыть малолеткой, верящей в бабоек. – Чего бояться? Хла-

ма?

– Ну, – Катя покосилась на громаду шкафа, – я в детстве думала, в гардеробе живет тролль.

Ане нравилась Катя. Искренняя, напористая, не лезущая за словом в карман. Одновременно и пацанка, сорвиголова, и барышня, которая ловко использует эффектную внешность себе во благо. Аня даже волосы стала зачесывать так же, как подруга. Радовало, что Катя – восемнадцатилетняя! – общается с ней на равных.

– Почему тролль? Почему не хоббит? – осклабился лопухий Чижик.

– Хоббит у нас один, – сказала Аня. – И это ты.

– Не буду спорить. – Чижик задрал штанину, обнажая волосатые икры.

За стенами монотонно подвывал ветер, приносил из степи мелкий сор. Лунная четвертинка висела над долгострем.

– Мы говорили о Пиковой Даме, – напомнил Матвей.

Аня, к марту перечитавшая всю литературу за учебный год и заглядывавшая уже в школьную программу восьмого класса, проявила интеллект:

– Это повесть Пушкина, да?

– Нет. – Катя сверкнула жемчужными зубками. – Мы про настоящую Пиковую Даму.

– Настоящую?

– Расскажи ей. – Матвей окунул пятерню в свои золотистые кудри. – Она не из пугливых.

Аня усталилась на Катю. Фраза польстила ей. Теперь главное – соответствовать. Даже если будет страшно.

– Слышали, – начала Катя под прицелом чижииковской камеры, – что дама пик в карточной колоде ассоциируется с несчастьем? Это не случайно. Пиковая Дама существует, и ее можно увидеть.

Выходит, тема не сменилась, зря Аня переживала в туалете, считала секунды. От дурацкого Слендермена, от сатанистов и маньяка из Лесополосы перескочили к какой-то там Даме. Аня догадывалась: чтобы пощекотать нервы. Вот зачем папа вечерами играл в компьютерные игры – из комнаты звенела страшная музыка, рычали свирепые монстры и бухали гранаты. Взрослые находили в жутких историях сомнительное удовольствие, Ане недоступное. Что хорошего – бродить по населенному мутантами лесу, пускай и состоящему из пикселей? В километре от микрорайона есть реальная роща, не лучше ли погулять там с дочерью, собрать гербарий, покормить белок?

Слендермена выдумали на интернет-форуме. Сатанистами считали невинных подростков с пирсингом, шатающихся по заброшкам. А пресловутый Зверь Лесополосы мотал тюремный срок далеко на севере. Аня понимала все это, но фантазия оживляла истории, и они входили в сговор с тенями.

– Расскажи ей про самоубийцу, – сказал Чижиик.

Катя смерила Аню внимательным взглядом, словно убеж-

далась, что та достаточно взрослая. Комод-саркофаг простер к молодежи могильную тень. Комочки пыли шевелились в щелях.

– Чувак один, студент... вызвал ее у себя в ванной. Сначала услышал шаги, скрип ножниц. Знаете, таких портняжных... – Катя продемонстрировала на пальцах длину лезвий. – Потом женщина во всем черном появилась. Прямо в зеркале...

Друзья внимали негромкому голосу, затаив дыхание. Чижик целился мобильником. Матвей переводил взор с Кати на Аню. И Ане сделалось неуютно – ладно бы на кухне говорить о потусторонних женщинах. Там холодильник, соковыжималка и пароварка. Хорошие современные вещи. Но в гостиной... где древнее зеркало отражает древний шкаф... Где теней больше, чем предметов, которые могут их отбрасывать... где антресоли...

«Не будь ребенком, – отчитала себя Аня. – Если хочешь, чтобы они дружили с тобой».

– И чего? – поторопил Чижик.

– Ничего. – Катя пододвинулась вперед, светлые волнистые локоны зашторили серьезное лицо.

«Вот и хорошо, что ничего», – подумала Аня, ерзая.

Ей хватило бак про маньяка, душившего невинных детишек.

– Сначала ничего, – сказала Катя многозначительно. – Но дальше... каждый раз, как он в зеркало смотрел... она смот-

рела на него. Женщина в черном. Она ему волосы отстригать стала. – Катя разрежала воздух указательным и средним пальцами. Чик. Чик. – Несчастье приносить.

Аня облизала губы.

– Парень реально на стрем подсел. Кому ни рассказывал эту историю, все над ним смеялись.

«По-моему, ничего смешного».

На полу между мальчиками и тахтой стояли чашки с пепси, блюдца с горками чипсов. Ане захотелось картошкой загрызть вкрадчивые слова подруги, газировкой смыть горечь. Но она опасалась, что рука, потянувшаяся за чашкой, будет дрожать, и сцепила похолодевшие пальцы.

– Родаки как родаки, – сказала Катя. – Не поверили, ясное дело. В психушку отправили. Врачи диагностировали вялотекущую шизофрению. А закончилось тем, что он наглотался жидкости, которой трубы прочищают. Сжег горло и умер.

– Гонишь, – сказал Чижик восторженно.

– Гонишь ты, – парировала Катя. – Шкурку под одеялом.

Аня не поняла, про какую шкурку идет речь. Матвей улыбнулся – хорошая, добрая у него улыбка, – отметила Аня. Лишь бы не думать про эффект, который может произвести на человеческий организм средство для устранения канализационных засоров. В ванной стоит синяя бутылка с изображением мультяшного крота.

– Это же страшилка пионерская, – сказал Чижик. – Как про жвачного монстра или гроб на колесиках.

Такие страшилки Аня знала, и они ее не пугали.

– Проверить – проще простого, – сказала Катя.

– Как? – спросил Матвей.

Для Ани в этот момент комната стала еще больше. Гигантская пещера со сталактитами и сталагмитами тьмы – и горстка людей жметя на крохотном освещенном пятачке. А если электричество отключится, как частенько бывало? Если во мраке кто-то коснется плеча? Завизжит она? Ой, еще как завизжит.

– Друзья, – обратился к подписчикам блогер Чижик, – записывайте рецепт.

– Нужна помада, – сказала Катя. – Помадой рисуешь на зеркале дверь и от двери лесенку. Свечку ставишь и три раза говоришь: «Пиковая Дама, приди».

Матвей потерял руки. Его глаза горели.

– Пробовать будем?

– Слова не мальчика, но мужа, – воодушевился Чижик. Перевел камеру на себя. – Друзья, сейчас вы станете свидетелями удивительного и чертовски опасного эксперимента. Подписывайтесь, ставьте лайк и бейте в колокольчик, чтобы ничего не пропустить.

Камера снова вперилась в девочек. Подписчики смогут насладиться побледневшим лицом Ани.

Тахта скрипнула. Отозвались скрипучим хором половицы.

– Давайте не будем, – сказала Аня. – Давайте лучше клипы

посмотрим. У «Ленинграда» вышел...

– Я думал, ты тут самая смелая, – сказал Матвей.

Под ложечкой засосало. Матвей, Чижик, Катя, камера с подписчиками – все смотрели на Аню. Она колебалась.

– Я...

– Вот и умница, – хлопнул в ладоши Матвей. – Тащи сюда свечку.

* * *

Свеча – толстая, новая, красная – нашлась в ящике. Мама держала на случай перебоев с энергией.

«Страшилка, – думала Аня, наблюдая за приготовлениями. – Гробик на колесиках».

Аня собиралась вручить свечу друзьям. Катя чиркнула спичкой – голубое пламя коснулось фитилька, и над воском распустился оранжевый язычок. Аня опешила со свечой в руках.

– Не дрейфь, – подбодрил Чижик, фиксируя происходящее на мобильник.

– Кто дрейфит? – фыркнула Катя, – да она смелее тебя в тысячу раз. – Да, Ань? – Катя подмигнула.

– Да, – твердо заявила Аня.

Она оттринула нелепые детские страхи и повернулась к комоду. Вторая свеча загорелась в обрамленном колоннами вертикальным окошке. Друзья встали за спиной. За ни-

ми встал непробиваемой стеной мрак. Гостиная сузилась до моргающего кокона, уместившего четверых ребят, но Аня чувствовала порами просторы, таящиеся вне светового круга. *Населенные просторы, урчащие антресоли.*

Мама ехала со столичного аукциона, везла очередное старье эпохи гороховых царей. Папа пил пиво на даче и отстреливал компьютерных вурдалаков. А Аня была одна. С друзьями рядом, но абсолютно одна в полумраке.

Косая трещина расщепила его силуэт. Мушки и сколы искажали картинку. А вдруг зеркала обладают памятью? И люди, прихорашивавшиеся перед ними, оставляют внутри кусочек себя – так одежда, цепляясь за колючки, оставляет лоскутья болтаться на ветру. Умершие люди... потускневшие призраки...

Дублер смотрел из зеркала сосредоточенно. Пламя искрилось в глазах, наполняло их желтым светом. Лицо восковое – дурная копия настоящего Аниного лица. И позади – смутные фигуры, одна из которых сует серебристый патрон и говорит:

– Рисуи.

Аня не шелохнулась, зачарованная гладью амальгамы.

– Мелкая, рисуи, – голос Матвея.

– Знаете, я не буду.

– Ань, мы договаривались.

«Любопытно, когда именно?»

– Ты че, зассала?

Аня не удивилась бы, прозвучи этот вопрос из уст вредного Чижики. Но Чижик молча снимал. Спрашивала Катя. Может, не такая она и хорошая, Катя эта? И зря Аня соорудила такую же, как у Кати, прическу? Может, они вообще ей не друзья? Просто негде собираться в пятницу вечером, вот они и пришли к ней – малой дурехе?

«Прекрати», – устыдила себя Аня. Словно зеркало диктовало мысли. Словно двойник думал за нее.

Аня взяла у Кати помаду. Решительно подняла руку, как художник кистью – примерялась к холсту. Чем скорее справится, тем скорее они вернутся к чипсам. Врубят музыку. Забудут о дурацких и совсем-совсем невеселых ритуалах.

Багровая полоса пролегла параллельно трещине. Росчерк вниз, вправо, вверх. Плечо ныло. Сзади Катя и Чижик переглянулись и ладонями прикрыли ухмылки. Веселые чертики плясали в их глазах. В глазах Ани плясали свечные языки. Вылизывали голубую радужку. Она не обращала внимания на старших. Она творила. Соединила линии, нарисовала схематическую дверь. Жирная точка в прямоугольнике: дверная ручка. От левого нижнего края неровная гармошка лесенки. Помада лоснилась. Пламя свечи озаряло царапины на амальгаме.

Аня убрала руку, посторонилась, оценивая результат. Опустила помаду на комод.

Она пожалела, что выбрали именно это зеркало, а не обычное, дешевое, современное, висящее в ванной. Трещи-

ны дробили подрагивающий портрет и засасывали взор в черную зыбучую топь.

Катин дублер крутил между пальцев спичечный коробок. Чижик снимал. Матвей и вовсе исчез в темноте. Завидовать ему или нет?

– Пиковая Дама, приди.

– Громче, – шепнула Катя.

Язык разбух во рту. Горло пересохло, а подмышки взмокли. В застенках гудел, пел тоскливые песни ветер. Дребезжали водосточные трубы. Дом будто не торчал в звездное небо среди недостроенных сородичей, а болтался в невесомости, в безбрежном нефтяном океане, в космосе без конца и края.

– Пиковая Дама, приди!

Пламя зашуршало, поедая парафин. Теплое капнуло на запястье.

– Пиковая Дама, приди.

Все. Сказала. Гасить свечу, отвлечься от скрипов и шорохов.

Но Аня продолжала таращиться в зеркало. Где-то за пудрезами и дорожными сундуками заскрипело. Протяжный неприятный звук.

«Там кто-то ходит, – подумала Аня. – Ходит в тенях, высоко задирая ноги».

Чижик и Катя крутили головами, но Аня словно прилипла к зеркалу.

Смотрела, смотрела, смотрела.

Дверь отраженного шкафа медленно открылась. Хоро-
нившаяся темнота просочилась в комнату и задула ледяны-
ми губами свечу. Пахнуло дымком. Заскрипели петли.

Катя вскрикнула.

В ванне клубился густой пар. Матвей отдернул шторку, зазвенев колечками, и ступил на жесткий резиновый коврик. От горячего душа тело румянилось. Из-за дверей доносился галдеж телевизора. Мама выпила традиционный бокал вина и дремала под какое-то вечернее шоу.

В запотевшем зеркале мелькал размытый дымчатый силуэт. Матвей вытерся полотенцем и придирчиво обнюхал себя. Чертыхнулся. Запах въелся в кожу: прогорклый запах ветхости и сырости, сгнившей материи. Он пропитался этой вонью, кукуя в затхлом шкафу Аньки. Сидел там, глотая пыль, пока она читала идиотское заклинание.

Идея разыграть Аню принадлежала Кате. Нет, и Кате, и Матвею нравилась симпатичная семиклассница. Но субординация есть субординация. Деды обязаны приструнивать духов, как в армии. Ляпнула Анютка, что ничего на свете не боится, – получай и не зазнавайся. Стоило больших усилий сохранять серьезные мины, не лопнуть от смеха при виде выпученных глазищ мелкой. Потом даже стыдно было, что девчонку едва ли не до инфаркта довели, но таковы правила истинной дружбы. Цитата: «Друзья должны держать ухо востро». Конец цитаты.

Ухмыляясь, Матвей выудил с полки мамин дезодорант и щедро опрыскал себя. Чихнул, обнюхал плечи. Вроде бы по-

лучше.

По зеркалу прыгала темно-зеленая точка: муха. И чего ей не спится ранней весной? Матвей приблизил руку к прыткому насекомому, хлопнул резко. Ладонь не почувствовала ничего, кроме влажной поверхности амальгамы. Матвей убрал руку и нахмурился. Муха сидела внутри пятипалого отпечатка, изумрудная, толстая, с прожилками на трепещущих крылышках.

– Ну я тебя! – Матвей хлопнул снова, не дал злодейке упорхнуть. – Допрыгалась, зараза?

Он приподнял ладонь.

Муха безмятежно сидела на своем месте.

Матвей вспомнил ни с того ни с сего: летом умерла бабушка и зеркала в доме завесили вуалями. Мама запретила снимать ткань, говорила, что в течение девяти дней после смерти душа человека витает на земле, а зеркала становятся вратами в потусторонний мир. Заглянешь случайно и увидишь покойника. Матвей смеялся над суевериями. Двадцать первый век, айфон, «Тесла» и Илон Маск, а тут средневековая ересь. Мама была непреклонной. И ладно бы зеркала – она каждую отражающую поверхность задрапировала, даже монитор компьютера. Оставила Матвея без «Доты» на девять долгих дней. Приходилось играть украдкой и украдкой отгибать ткань, чтобы выдавить прыщик или сбрить с подбородка пушок.

– Эй, – неуверенно пробормотал Матвей.

Муха взлетела, но не вперед, к Матвею, а назад – внутрь зеркального пространства. Точно существовало только отражение насекомого, но не оно само.

Матвей оглянулся, выискивая в ванной странную муху.

– Чушь, – буркнул он. – Спряталась.

Прошуршал шторкой, поморгал.

Это из-за пара. И из-за маминых, а потом и Катиных баек.

Не бывает никаких врат. Как не бывает Пиковых Дам, Кровавых Мэри и Кэндименов. Сказки для доверчивой девочки. Для Аньки.

Матвей показал отражению средний палец. Завернулся в полотенце и вышел из ванной.

За притворенными межкомнатными дверями транслировали телевикторину.

– Именно это вещество монах-францисканец Джон Пекам наносил на стеклянные зеркала.

– Серебро, – мама вслух отвечала на вопросы.

– Верно, – сказал ведущий. – Это олово. Самое дорогое зеркало, хранящееся сейчас в Лувре, принадлежало...

– Людовику Четырнадцатому, – сказала мама.

– Марии Медичи, конечно, – сказал ведущий. – Муранские зеркала...

Матвей скользнул в спальню и прикрыл дверь, заглушая звуки телевизора. Скинул полотенце, достал из гардероба банный халат. Сел за компьютер. Зажужжали гитары, «Гансы» запели «Ноябрьский дождь». Он кликнул на ярлычок

браузера.

Свежее сообщение от Чижики.

«Анька откладывает кирпичи». Прошел по ссылке, улыбнулся.

Бледное Анино лицо расплывается в старинном потрескавшемся зеркале. Позади борются со смехом Катя и Чижик.

«Пиковая Дама, приди».

«Надо же, поверить в такую чепуху»...

«Громче!» – командует Катя на видео.

У ролика уже десять просмотров.

«Пиковая Дама, приди».

Матвей повозил мышкой. Периферийным зрением уловил движение в воздухе. Мечущуюся точку справа. Муха прошмыгнула следом в комнату и летала у распахнутого шкафа-купе.

Матвей нашарил глянцевый журнал, скрутил трубочкой и привстал.

– Цыпа-цыпа-цыпа...

Гитарное соло Слэша оборвалось, будто с патефонной пластинки соскочила игла. Из колонок скрипело, дул ветер. Муха спикировала в гардероб.

«Пиковая Дама, приди», – в третий раз сказала Аня.

Пискнув роликами, дверца шкафа проехала по направляющей, захлопнулась – и в ростовом зеркале отразилась спальня.

Матвей с журналом.

И женщина в черном.

Аня щелкнула рукояткой – газовая горелка расцвела лепестками огня. Сине-красный мотылек затрепетал под брюхом чайника. Аня бросила в чашку пакетик, отвернулась к окну. Мартовское небо было нахохленным и угрюмым. Солнце спряталось за пепельными облаками. Каркасы недостроек оккупировали вороны. Из цементных бассейнов торчали штыри арматуры, танцевали растяжки на ветру. Редкие прохожие брели к жилым домам, розовым и опрятным среди грубых серых заготовок. Рекламный щит обещал к осени гипермаркет и развлекательный центр с 3D-кинотеатром, но пока весенние дожди омывали неряшливые остовы, взрыхляли грязь вокруг новенькой детской площадки. С высоты пятого этажа Аня видела собачников на пустыре, даму в красном пуховике, толкающую коляску. Видела траурные полчища ворон над крышами.

Трель звонка оторвала от созерцания пейзажа. Мама! С конфетами и, возможно, книгами. Недавно Аня добила «Гарри Поттера» и требовала новых приключений.

Но в подъездных сумерках стояла не мама. Матвей. Запыхавшийся, будто не воспользовался лифтом, а бежал по лестнице с четырнадцатого этажа. Растрепанный, что необычно. Внимание Матвея к собственным волосам было неисчерпаемым источником чижиговских подколов.

– Привет, – улыбнулась Аня.

Потом вспомнила, что вообще-то обиделась на ребят за розыгрыш, и улыбку убрала.

– Можно войти?

Аня пожала плечами. Попятилась, пропуская Матвея. Па-рень скинул обувь, повертел головой. Взгляд задержался на темном пятне справа: гостиной, заставленной антиквариатом. Там отражало сплошной мрак зеркало, усыпанное мушками и расчерченное трещинами.

– Давай поговорим. – Матвей сам направился в спальню Ани. Без приглашения сел на заправленную кровать. Он явно нервничал. Аня оседлала офисное кресло. Ей вдруг стало не по себе, неуютно стало в компании с приятелем. И чего он так косится на трюмо?

Аня тоже покосилась. Зеркало – нормальное, не двухсот-летнее – оклеивали стикеры и коллаж из фотографий. Па-па обнимал маму в луна-парке. Шестилетняя Аня съезжала с горки. За ворохом фантиков отзеркаливалась комната, хозяйка и ее гость.

Матвей кашлянул. Потупился на свои ступни в полосатых носках.

– Я ее видел.

– Катю?

– Женщину в черном.

Аня онемела. Над головой визитера нимбом светились гирлянды, так и не убранные после новогодних праздников.

Если он притворялся – что значит «если»?! – то притворялся мастерски.

– Перестань, – насупилась Аня. – Надоело. Это и неделю назад несмешно было.

– Ань. – Матвей почесал подбородок. Его пальцы дрожали. – Я не шучу. Я слышал, как она копошится, скрежещет. Видел ее в зеркале. Как тебя вижу.

– Ну конечно. – Аня посмотрела в темный коридор. Оттуда будто холодом веяло. Не открылась ли форточка на кухне?

– Кати дома нет, – заторможенно говорил Матвей. – И Чижики. Я только тебе могу рассказать.

– Матюш, – раздосадовалась Аня, – мне не пять лет. Думаешь, я не понимаю...

Матвей прервал ее жестом.

– Помнишь, Катя про ножницы рассказывала?

– Помню. А еще помню, как Чижики нас снимал и видосик на канал загрузил. Как ты скачал, и...

– Мы же не знали. – Голос звучал изломанно, сипло. Ему бы в кинематографический университет поступить, или где там учат будущих актеров?

– У нее лицо как маска, – сдавленно продолжал Матвей, глядя в никуда. – Я спросил, что ей надо, а она пальцем на меня показала. Ногтем зеркало поскребла изнутри.

– Поклянись, – потребовала Аня, чувствуя, как по-детски это прозвучало. Будто семнадцатилетнему парню трудно обмануть малолетку.

– Клянусь.

– Мамой клянись.

– Мамой. Здоровьем. Чем угодно.

– Приснилось тебе, Матюш.

– Да?

Матвей медленно повернулся, демонстрируя затылок. Там не хватало пучка волос. Светло-серая прогалина в золотистом руне кудрей. Будто кто-то выдрал клочок... или выстриг портняжными ножницами.

Чик-чик.

– Катя сказала, она волосы стрижет.

Где-то далеко засвистело. Свист нарастал, но Аня пялилась на лысый скальп, окаймленный кудрями. Очнулась, когда чайник уже сигнализировал всюду.

– Подожди. – Она посеменила прочь из комнаты, а Матвей так и остался сидеть вполоборота, показывая затылок опустевшему креслу.

Трюмо прожигало основание шеи ощущением чужого присутствия. Будто за спиной находился дверной проем и в нем кто-то стоял. Матвей считал удары сердца. Слушал квартиру: как ветер скрипит карнизом, как чайник свистит, а потом затихает, как Аня гремит посудой и спрашивает, будет ли он чай.

Сквозняк обдувал затылок, словно ледяные губы касались того места, где прошли хищные ножницы. Целовали, заигрывали.

Пусть бы это был розыгрыш. Чижик сговорился с Катькой. И как-то... каким-то образом...

Зеркало отражает свет. Физика, мать его. Оно плоское – в нем никто не живет. Нонсенс. Никто не стоит. Никто не шепчет.

Матвей повернулся, хрустнув позвоночником. Посмотрел на трюмо.

– Оглох? – крикнула Аня, снимая чайник с плиты. Струйка кипятка ударила о дно чашки, повалил пар. Начищенный выпуклый бок из нержавеющей стали отражал кухню и часть коридора. Фигура появилась в дверях. – Ой, ты здесь, – встрепенулась Аня. – Говорю, чаю со мной выпьешь?

Ответа не последовало. Кипяток темнел в чашке, а в чайнике темнел деформированный силуэт. Вороньи массы мигрировали мимо окна. Стремительно вечерело, и квартира наполнялась тенями.

Аня оглянулась, но не увидела Матвея в дверях.

«Точно, розыгрыш. Даже прическу свою великолепную испортил, не пожалел. Все, чтобы меня убедить. Чтобы Чижик новое видео на „Ютуб“ залил».

Она вышла из кухни, грея ладони чашкой. Прикидывала, стоит ли дружить с ребятами, которые выдумывают такие вещи. Было грустно и обидно. И немного страшно. Потому что в глубине души она поверила каждому слову гостя. Потому что ее развели неделю назад, но, кроме спрятавшегося в шкафу Матвея, было еще что-то. За мебелью. На антресолях. В черном устье зеркала. Особенно там – между дубовых колонн.

– Матюш, ты...

Аня осеклась.

Матвей распластался на полу. Его тело подергивалось спазмами, выгибался хребет. Растопыренные пальцы с белыми-белыми ногтями царапали ворсистый ковер. Он смотрел в потолок остекленевшими глазами, челюсти двигались как жернова. Из уголка губ нитью сбегала слюна.

Аня выронила чашку – и та раскололась вдребезги. Кипяток окропил домашние тапочки, но Аня не заметила.

Матвей перевел на нее обезумевший взгляд. Белки налились кровью, а голубые радужки превратились в тончайшую прожилку вокруг расширившегося до предела зрачка. Матвей замычал. Его лицо неувовимо изменилось.

Аня видела в Сети гифку, взятую из какого-то старого американского ужастика: мужчина превращается в волка. Вытягивается челюсть, мутирует нос. Обратной не существовало в реальности (как и Пиковых Дам), но Аня вспомнила эту сцену.

За долю секунды лицо Матвея побелело, заострились черты, в глазницах набухли тени. Он превращался. Не в волка, нет.

На полу Аниной спальни живой Матвей превращался в мертвого Матвея.

Никто бы не поверил, но то, что Марина позвонит, Антон почувствовал за пять минут до вибрации мобильного. Даже проговорил мысленно: «Ну чего тебе?»

Он не был ни телепатом, ни ясновидящим. Марина считала, что и в материальном мире он – дуб-дерево. Но порой духовная связь с женой простреливала мозг, зажигала в подкорке яркую лампочку. Много лет Антон считал, что это знак особого родства. Пишут же про близнецов, чувствующих друг друга на расстоянии... Мол, даже простудой болеют одновременно. В разных частях света находясь.

Так, прождав полтора часа на нулевом свидании, продрогнув до костей, выбросив розы в мусорную урну, Антон был уверен: эта миленькая студентка перезвонит вечером, извинится и предложит встретиться завтра. Так двенадцать лет назад он точно знал, что у Марины отошли воды, а телефон разрядился, и она не может дозвониться ему.

В мастерской пахло битумной мастикой. Владимир Семенович Высоцкий хрипел про привередливых коней. Глебыч, механик и по совместительству совладелец сервиса, орудовал болгаркой. Антон устроился под днищем седана, счищал краску и ржавчину, обезжиривал участок и обрабатывал антикором.

В кармане ожил мобильник.

Антон хмыкнул: я же говорил! Оттолкнулся, выезжая из-под машины на слесарском лежаке.

В адресной книге Марина была переименована из Малышки в Бывшую. От теплого и нежного прозвища к холодной констатации факта.

– Алло?

– Привет, Антон.

– Здравствуй. – Он вытер тряпкой чумазую щеку.

– Не мешаю?

– Мешаешь, – не стал околесничать он. Перехватил взгляд Глебыча, губами проартикулировал: «Жена». – Заказов до черта. Зашиваемся просто.

– Ты можешь приехать?

– Я же сказал...

– Да, слышала. Но это важно.

«Важнее альковных и секретеров?» – про себя съязвил Антон, но произносить вслух колкость не стал. Они ни шатко ни валко налаживали контакт – ради Ани, естественно. Учились беседовать без криков и взаимных оскорблений. Сарказм сейчас не уместен.

– Что стряслось? – спросил он, вставая.

– С Анькой неладно.

Сердце заколотилось учащенно под комбинезоном.

– Что с ней?

– Приезжай.

– Марина, твою... – Он скрипнул зубами. Взял себя в ру-

ки. – Что с моей дочерью?

– Нормально все. Но ты должен приехать, – она выдержала паузу и добавила: – Пожалуйста.

– Ладно. Ладно, черт.

Высоцкий пел про кривые зеркала, отражающие волчий оскал. Глебыч выключил пилу.

– Мужик. – Антон потоптался. – Надо отлучиться.

– Сдурел? А работать кто будет?

– Я все сделаю. Дочь... заболела, не знаю...

– Ага. То дочь, то запой. Тоха, у меня ведь тоже дети, ше-стеро, и все кушать хотят.

У холостого Глебыча не было детей, и напускная суровость не вводила Антона в заблуждение.

– Я на часок. Туда и обратно. «Вольву» возьму.

– Не убивай меня, Тох. В налоговую завтра сдаваться.

Антон снял с крючка ключи.

– Щас приеду, брат. Седан вылечу и налогами займусь. Лады?

– Да какие же лады? – Глебыч кричал в спину уходящего Антона, перекрикивал Высоцкого. – Разоримся, к чертовой матери!

* * *

В пасмурном небе патрулировали грачи. Черными крестами сопровождали несущийся автомобиль. Антон раздражен-

но отстукивал пальцами по рулевому колесу.

Четырнадцать лет брака – подумать только! Им было по двадцать с копейками лет. На свадебных фотографиях Антон бравировал густой шевелюрой. Морду отъел – не то, что сейчас – впавшие щеки в седой щетине, поредевшая шевелюра. Скоро придется сбривать под ноль: залысины ползут ото лба вверх. Марина на снимках в роскошном платье – и не скажешь, что сама шила ночами. Денег тогда не было совсем, деньги позже пришли, а с ними – разлад. Марина внешне изменилась мало. Такая же худенькая, тонкококстная. Другие, родив, дурнели, полнели, а она словно расцвела после тридцати.

Покойная бабушка Антона боялась антиквариата. Говорила: подержанные вещи подселяют в дом чужую судьбу. Рассказывала про девицу, которая нашла медальон и хоронила мужей, одного, второго, третьего, пока цыганка не посоветовала выбросить проклятую вещь. Может, была права бабуля? Может, с каким-нибудь ларцом для приданого Марина купила несчастье?

Да, антиквариат оказался причиной краха. Но не мистической причиной, а банальной. Финансовой. Бизнес Антона едва барахтался на плаву, и семью содержала Марина. Он приносил заработанные потом рубли, куклу для Аннушки, хотел порадовать. И заставлял Аню, играющую с гигантским кукольным домиком. Марина, перепродав нотный кабинет екатерининских времен, получила полугодичную зарплату му-

жа.

Жена ни словом его не упрекала. Но он ел себя поедом, становился замкнутым, злым, колючим. Ежедневные ссоры, алкоголь... ощущение собственной никчемности.

Они жили среди древней мебели. В огромной квартире, купленной за деньги от продажи древней мебели. Ужиная, говорили про древнюю мебель. Как тут не сойти с ума?

И Антон ненавидел долбаный недовозведенный микрорайон, вспоминая дни, когда Рюмины ютились в съемной камерке и были довольны.

«Вольво» мчался по трассе. С боков распростерлись луга и поля, побеленные порошей. Впереди – высотки, жилые и еще не заселенные. Надпись на билборде гласила: «Место счастливых людей».

Антон поморщился как от изжоги.

Зеркало Чижи́к запихнул в шкаф – остался выцветший овал на бежевых обоях. В ванну он не заходил. Умывался на кухне, зубы вовсе не чистил. Жевал мятную резинку так агрессивно, что челюсти ныли и боль отдавала в резцы.

Родители гостили у кумовьев. Сумерки заполняли пустые комнаты. Чижи́к включил везде свет, но большинство лампочек перегорело. Перепад в сети или... или что-то наподобие.

– Изи, мэ́н, – бормотал Чижи́к. – Изи...

Он заперся в спальне. Хватался как за спасательный круг за артефакты двадцать первого века: постер с Дэдпулом, диски с играми, ярлычок скайпа – курсор испуганно ткнулся в него. Чижи́к представил, что снаружи ничего нет: ни людей, ни городов. Только каркасы недостроенных зданий, только ветер, вороны и зеркальные лужи в траншеях.

Матвей умер сорок часов назад. Приступ случился в квартире Аньки, на Анькиных глазах. Лежит в морге, окоченевший. В теле уже происходят бесповоротные изменения.

Чижи́к решил повременить со скорбью. Он грыз ногти, слушая вибрацию скайпа, и напряжился, когда на экране возник Экзорцист.

– Слава богу, – зачастил Чижи́к. – Слава богу.

Межкомнатная дверь задрезбезджала в своей коробке. По

коридору прошелся сквозняк. Казалось, у сквозняка были ноги. И что-то металлическое, щелкающее в тишине.

Чик. Чик. Чик.

За спиной Экзорциста виднелись книжные полки. Показывалась клетка с канарейкой. Бородатый мужчина поджал тонкие губы и хмуро протирал стекла очков.

– Мы договорились, – сказал он, – только если что-то серьезное!

– Серьезное, – быстро закивал Чижик. Он посмотрел на дверь. Полоска света от коридорной люстры исчезла. – Она не отстает.

– Она... там? – В голосе прозвучало любопытство. Экзорцист выгнул шею, словно пытался заглянуть через монитор.

– Д-да.

Кругляш дверной ручки прокрутился вправо-влево. В алюминии отражалась деформированная комната и окаменевший подросток.

– Что мне делать? – отчаянно спросил Чижик.

– Я уже сказал...

– Пожалуйста!

Экзорцист помедлил.

– Хорошо. У вас есть радиоприемник?

Запах квартиры был до дрожи родным. Антон прежде не замечал этого едва уловимого аромата. Хотелось зажмуриться и вкушать его, пропитаться, чтобы принести капельку дома на дачу.

Кухню заливал тусклый солнечный свет.

Марина сидела напротив. Серьезная, бледная, укутанная в шаль. Их разделял не стол, не чашки с источающим парчаем, не финики на блюде. Расстояние между ними было чудовищным: ущелье, пронизанное ветрами ссор и сколков.

– Умер? – повторил Антон.

– Да, упал прямо в детской. Позавчера. Аня вызвала скорую. В больнице его не стало. Врачи сказали: инфаркт.

Антон смутно помнил плечистого золотоволосого мальчишку с четырнадцатого этажа.

– Ох, блин. – Он помассировал переносицу. – А ты где была?

– Ездила по делам.

– Что отхватила?

– Трехъярусный резной буфет. Немецкий... – Марина осеклась, сообразив, что он подтрунивает. – Я же не знала. Как я могла знать, что к нам заявится мальчик и что он умрет чуть ли не у Аньки на глазах?

– Бред какой-то. – Антон подвигал блюдо. – В семна-

дцать лет – инфаркт? Разве бывает такое?

– Экология, – неопределенно повела плечами Марина. Этим волшебным словом объяснялось что угодно. – Мама Матвея на таблетках, на успокоительных еле держится. Такое горе, представь.

«Не буду я представлять, дудки».

В душе Антона бурлил ужасающий коктейль. Нежность и раздражение. Ласковая флейта и барабанный бой. Тяжело объяснить, еще тяжелее сосуществовать с этим хаосом.

– Как она отреагировала? – Антон показал глазами в коридор.

– Как-как? Плохо. Плачет, бедная.

– Тут ничего не поделаешь. Нужно пережить.

– Это еще не все.

Антон вздохнул.

– Смерть мальчишки – еще не все?

– Нет. Аню как подменили. И это не связано с Матвеем. – Марина понизила голос. – Неделю назад Анька ко мне пришла, вся дрожит. Говорит, вызывала с ребятами Пиковую Даму.

– Кого?

Марина состроила фирменную гримасу: «Забудь, ерунда». Такой гримасой заканчивались все их пробы найти общий язык.

– Ну ты что, не знаешь? Пиковая Дама, типа Бабы-яги. В зеркало надо ее позвать. Десять раз или тринадцать, не пом-

ню.

– И что? Марин, я зачем с работы сорвался? Чтобы про игры Анины слушать?

– Не в играх соль. Она бояться начала. Всерьез, ну, как в детстве. Помнишь?

– Худое привидение? – печально усмехнулся Антон.

Перед глазами возникла картинка: крошечная сонная Аня, нос – кнопочкой, завернулась в одеяло, а Антон проводит ревизию под кроватью и в шкафу, убеждая дочурку, что ни худое, ни толстое привидение не таится в спальне. Что и на антресолях никого опасного нет.

– Но ей ведь двенадцать! – сказала Марина. – А она шугается каждого шороха, твердит, что Пиковая Дама за ней придет. Не поздновато ли для бабаев?

«Это из-за нас, – подумал Антон. – Пиковая Дама – это развод. Пока мы орали друг на друга, швырялись взаимными обвинениями, – Аня плакала в постели. Отец съехал на дачу, поминай как звали, мать таскается по аукционам. Вот и Пиковая Дама пришла»...

– Я ее убеждала кое-как. – Марина закусилла красиво очерченные губы. – Но когда Матвей умер...

Антон кивнул:

– Она втемяшила себе, что это связано.

– Как не втемяшить? Я ночью проснулась, а она сидит на кровати, как в прострации... бормочет... Я спрашиваю: что такое? А она: кошмар приснился. Женщина волосы ей остри-

гает.

– Марин, – Антон посмотрел на часы, – дурные сны всем снятся. А у меня дурной сон будет, если я в налоговой пролечу. Реально, завал.

– Антон... – Она будто собиралась взять его за руку, но опомнилась и поскоблила ногтями клеенчатую скатерть. – Это усугубляется. Чайник вон... – Марина окинула взором блестящий сосуд из нержавейки. – Завтракаем, Аня говорит: мам, в чайнике женщина отражается. Я говорю: глупости, а она головой мотает, такая серьезная, затравленная. Вот же, говорит, вот. Женщина в черном. Схватила полотенце и чайник накрыла.

Антон поднялся из-за стола, встал у печи. Вгляделся в металлический бок чайника, словно искал там загадочных женщин. Но отразился лишь он сам: небритое усталое лицо.

– Я с ней поговорю, – резюмировал Антон.

* * *

...Аня сидела по-турецки среди всколошмаченных одеял. Слушала плеер и черкала в блокноте карандашом. Совсем взрослая – сердце екнуло в груди – и одновременно такая маленькая.

Трюмо справа было занавешено белой тканью. Создавался занятный эффект, будто кто-то стоит в углу: классический призрак в простыне; хеллоуинский ряженный. Складки обра-

зовывали кривой рот и раскосые глаза.

Антон присел рядом с дочерью. Улыбнулся. Она выдержала наушник, спешно закрыла блокнот. Не поделилась девичьими секретиками. Не одарила ответной улыбкой. А чего он ждал, превращая дом в полигон для перманентных скандалов?

– Привет, зайка.

– Ты чего приехал?

Раньше она встречала его объятиями, окольцовывала шею, запрыгивала на руки, и они кружились, смеясь.

– Соскучился.

– Понятно.

Аня смотрела на свои руки. Захотелось выпить. Да, пара бокалов пива не помешает. Но сначала работа. Долбанные документы.

– Я знаю про Митю. Мне жаль.

– Он не Митя, – резко сказала Аня. – Он – Матвей.

– Прости. Конечно, Матвей. Конечно.

Его отношения с дочерью были вольготно текущей рекой, но теперь реку сковал лед, и он шел на ощупь, боясь провалиться в прорубь.

– Зачем ты егопустила в квартиру? – спросил Антон. – Нельзя никого впускать, если мамы нет дома.

– Он – мой друг, – с вызовом сказала Аня.

«Не о том говорим. Совершенно не о том».

Но враг-язык продолжал начатое:

– Ему семнадцать... было.

– И что?

– Дружить с семнадцатилетним парнем... в твоём возрасте...

Аня вспыхнула:

– Пусть меня мама воспитывает.

Она взвилась и, пронырнув под протянутой рукой, вылетела из спальни. Хлопнула дверь. Сквозняк поворошил ткань, оголяя полоску амальгамы.

Антон взъерошил редеющие волосы и бесшумно выругался.

В тридцать шесть Марина осознала: вещи лучше людей. Проще, понятнее, честнее. Вещи хранили в себе пыль, дохлых жуков, спертый воздух. В людях, окружавших Марину, тоже хватало пыли, жуков и затхлости. А вдобавок люди были сложны и устроены как попало – не систематизировать их качества, не внести в каталог. Что говорить про чужих – за четырнадцать лет брака она не сумела понять Антона. Не удержала, не сделала счастливым ни его, ни себя. А если и было счастье, человеческая природа такова, что про светлые дни забываешь слишком быстро. Быт стесывает их, как время стерло узоры с нотного кабинета позапрошлого столетия.

И Марина сосредоточилась на вещах. Лакируя уэльский посудный шкаф, любуясь раритетным бельевым прессом, она пребывала в блаженстве. Подушечки пальцев скользят по трещинкам, вчитываются в зазубрины. Этот дамский столик переживет и ее, и Антона. Тогда зачем все? Зачем нужны нелепые попытки отремонтировать то, что не имеет ни малейшей ценности, то, что нужно, по-хорошему, выбросить?

Но была дочь. Главное сокровище Марины. Пускай такая же сложная и порой непонятная, как и Антон. Пускай похожая на отца в мелочах и повадках. Иногда казалось, кабы не она, Марина стала бы затворницей. Общалась бы исключительно с курьерами, привозящими мебель. Шептала ласко-

вые слова бюро-цилиндрам и конторкам-давенпортам. С ними бы и сексом занималась, хах.

– Антон!

Она догнала бывшего мужа на крыльце. Запахнула пальто. Колючий мартовский ветер проникал под одежду. Ранние сумерки накрывали пустой двор тяжелым одеялом. В жилых домах загорались окна, а недостроенные здания превращались в уродливых враждебных великанов с обледенелыми ячеистыми телами. Сквозь их дыры пылало спускающееся к горизонту солнце. Микрорайон изрезали тропинки, издырявили проплешины, отведенные под обещанную инфраструктуру. Обещанного три года ждут. Нет, уже четыре года.

В заглублениях снег присыпал опалубки. Шипели из подвала бродячие коты.

Марсианский пейзаж напоминал Марине их с Антоном брак. Долгострой, он зиждился на туманных планах и изо дня в день подтачивался грунтовыми водами. Шикарный на бумаге и рекламных щитах, в реальности – скопище промозглых каркасов в степи.

– Чего? – Антон позвенел ключами.

Думал свалить по-английски. Как всегда, в своем стиле.

– Это все? Выполнил отцовский долг?

– А чего ты от меня хочешь?

– Как «чего»? Ты видишь, что с нашей дочерью творится?

– Вижу. Переходный возраст творится. Ты через это проходила, я проходил, каждый человек.

– Я в ее возрасте не боялась зеркал.

– А она боится. Может, считает себя слишком толстой. Может, слишком худой. – Антон раздраженно выдернул из кармана мобильник. – Глебыч...

Марина отвернулась, уставилась на цементную коробку за фанерной оградой. Доделают ее или так и бросят гнить? Может, эти экскаваторы и подъемные краны призваны лишь видимость создавать, как Антон умело создавал видимость «мужчины в семье»?

Вороны парили над стройкой черным облаком.

– Лечу! Лечу, мужик! Не вешайся, дай мне полчаса.

Антон опустил телефон.

– Извини. Нет времени разгребать ее фантазии. Был бы мальчик – я бы посоветовал чего. Но девочка...

Он опять перекладывал проблему на плечи жены. Привыкла бы.

– Винишь меня, что не родила тебе сына?

От гнева задергалась щека. В детстве думалось, взрослые знают обо всем на свете. И вот ей без малого сорок, а она не знает ничегошеньки. Ни хрена.

– Хорош. – Антон поднял руки ладонями вперед. – Хорош препираться, надоело. Сил нет. Пока.

И он побежал к припаркованному «вольво», оскальзываясь и хрустя наледыю.

«Мебель, – подумала Марина, – не предает».

– Ах ты ж мать твою. – Антон воздел глаза к ненастному небу. Кровь крупными каплями падала на снег. Антон левой рукой отворил дверцы, вынул из бардачка упаковку салфеток и промокнул рану. Царапина пролегла перпендикулярно линии жизни.

Он никуда не уехал. Долбаная жестянка отказалась подчиняться. Заглохла намертво. И единственный, кого Антон мог проклинать, – самого себя. Это он чинил «вольво» во вторник. Какой он муж и отец, какой кормилец – понятно давно. Марина, умелый репетитор, втемяшила. Но неужели и мастер он – дрянь дрянью?

Инспекция двигателя не дала результатов. Провозился битый час и порезал ладонь, шарахнув в сердцах по кузову. Вообразил, притоптывая на холоде, как пешком добирается до мастерской, а Глебыч болтается в петле, на налоговой декларации предсмертная записка: «Тоха, ты – дерьмо».

Недостроенная высотка таращилась безразличными черными зенками. Вороны каркали глумливо, и верещали мартовские кошки.

Антон стер с пальцев кровь, машинное масло. Вызвать такси? Пока сюда доберется, Глебыч остынет в петле.

Антон нервно хохотнул.

– Добрый вечер.

У подъезда стояла хорошенькая девушка в полушубке. Из-под шапки струились светлые волосы, большие удивительно-синие глаза изучали Антона.

– Не едет? – синева переметнулась на открытый капот.

– Сдохла, – проворчал Антон, бахнув крышкой. Поморщился – рана соприкоснулась с металлом.

– Без мастера не обойтись.

– Ирония в том, что я сам – автослесарь.

– Сапожник без сапог?

– Типа того.

Блондинка обошла автомобиль.

– Вы – Анин папа, да?

– А ты – ее подруга, что ли?

– Подруга, – девушка протянула руку, – Катя. Соседка ваша.

– Антон. – За миг до рукопожатия он вспомнил про травму и отвел испачканную кисть. – Антон Сергеевич.

– Может, пойдёмте, я перебинтую?

Антон помешкал, испепеляя ненавидящим взглядом автомобиль.

– Один черт – не успею.

* * *

В шахте лифта гудел ветер. Скрипела лебедка. Стену ка-

бинки украшало заплеванное зеркало. Катя и Катинo отражение встали друг к другу спиной. Антон оценил свой внешний вид, оттянул веко, надул щеки.

– В гроб краше кладут...

– Вот и не спешите в гроб-то.

Телефон зазвонил, гаркнул тирадой Глебыча.

– Скажи, что опаздываешь, я сам к тебе приеду и укокошу.

– Меня не будет, мужик.

– Тебя не будет?!

– Семейные трудности. Застрял как заноза в...

Он посмотрел на смиренно улыбающуюся соседку.

– Во сколько заказчики приедут? В час? К десяти машину сдам. А потом в налоговую.

– Тоха, ты меня подводишь под монастырь. Без ножа потрошишь.

– С меня – пузырь. К десяти сдам, мужик.

– Иди ты... Вот правда... Иди...

Створки кабины разъехались, выпуская на десятый, судя по намазюканным цифрам, этаж. Новостройка уже познала все прелести упадка в виде уродливых спичечных ожогов на побелке и наскальной живописи. Кособокие свастики, логотипы подпольных рэп-групп, схематичный человечек, пронзенный схематичными ножницами.

Марина витала в облаках, оборудовала в гостиной музей для викторианского мусора, а вокруг эскапистского мирка кипела правдивая помочная жизнь. От нее не спрятаться.

Катя отворила дверь, впуская в полутьму. Квартира была точной копией рюминской, и Антон, воспользовавшись приглашением, отправился направо, затем налево. Клацнул выключателем, отразился в голубом кафеле. Но не в зеркале: зеркало над раковиной отсутствовало. Из плитки торчали болты. Антон пожал плечами, промыл рану, оплескал лицо и шею теплой водой.

В квартире было тихо. Облака барражировали в прямоугольнике кухонного окна.

– Кать?

– Я здесь, – донеслось из-за угла.

Катя не зажгла свет – сэкономила электроэнергию? Зато включила телевизор. Без звука. Немой Джонни Депп разыгрывал эксцентричную сценку перед немой Мией Васиковски. «Алиса в Зазеркалье» – этот фильм Рюмины смотрели в кинотеатре года четыре назад. Тогда все проблемы казались решаемыми, все неполадки – поправимыми.

Бабка-харьковчанка говорила по-украински: «Не так сталося, як гадалося».

Катя сидела в кресле, почти впритык к жидкокристаллическому монитору. Меняющий оттенки свет озарял фальшивый камин.

«Такой, – подумал Антон, – аккуратной, уютной была бы наша гостиная, не превратись она в склад».

– Аптечка на столе, – не отрываясь от экрана, сказала Катя. Мягкое свечение ореолом окутало ее голову, наэлектри-

зовало волнистые волосы.

Антон взял с журнального столика спирт и вату. Рану пощипало. Вероятно, он закричал, потому что Катя спросила участливо:

– Вам подуть?

– Сам, – проворчал Антон. Вслепую забинтовывая кисть, он прогулялся по комнате. Задержался у фотографий на полках. Юная Катя была щуплой и угловатой, наверное, он встречал ее во дворе, просто не приглядывался к соседским детям. Хватало своего дитяти.

– Это твоя мама? – Фото запечатлело строгую женщину в деловом костюме. Антон понял, что тянет время. По карнизу забарабанил ледяной дождь. Ждать такси под козырьком было не самым приятным и желанным времяпрепровождением.

– Моя тетя, – откликнулась Катя. – Я с родителями не живу. Конфликт отцов и детей. Вернее, отчимов и детей.

Знакомо... Папа ушел из семьи, едва Антону исполнилось пять. И вот он сам пошел по отцовским стопам.

– Как ты узнала, что я – Анькин отец?

– Догадалась.

Катя спорхнула с кресла. Поманила жестом, Антон послушно подал ей руку, и Катя мастерски завязала узлами бинт.

– А ты правда меня не помнишь?

От девушки пахло лавандой. В полумраке лучились хит-

рецей синие глаза.

– А должен?

– Я к вам домой приходила. Сидела с Анькой, когда она маленькой была. Году в пятнадцатом.

– Припоминаю, – соврал Антон.

Катя наклонилась, будто удумала поцеловать его запястье. Прихватила зубами край бинта и оторвала с треском. Похлопала аккуратно по кисти.

– До свадьбы заживет. Ты правда от них к любовнице свалил?

Синь радужек создала эффект пламени. Будто смотришь на горящую конфорку. Смысл вопроса пришел с запозданием.

«Наглая. Раскованная. Упаси бог, Анька вырастет такой».

– Тебе годков-то сколько? – Антон убрал руку.

– Не волнуйся, за меня уже не сажают.

Антон поперхнулся слюной. Он уже дожил до тех лет, когда можно вздохнуть скептически: «Не понимаю я эту молодежь!»

Катя попятилась, демонстрируя осиную талию и маленькие холмики груди под свитером. Антон отвел взор, смущенный спектаклем, который затеяла вертихвостка. Или это не спектакль, а проявление непосредственности?

– Хочешь, паспорт покажу?

Антон надеялся, что в полутьме незаметен румянец на его щеках. Не хватало краснеть перед малолеткой. Но червячок,

копашающийся в голове, шепнул: «Ей восемнадцать, и ты погляди на ее фигуру». Этот червячок вымахал, питаясь одиночеством и сексуальным воздержанием. Врала сплетники. Не было никакой любовницы у Антона Сергеевича Рюмина. Он не к бабе ушел из семьи. Сбежал от стыда, что зарабатывает копейки. Гордость всегда сильнее, главное похоти.

«Что ж ты приперся к ней? – пытал глумливо червячок. – Просто так? Бинтоваться-греться? Кажется, она сумеет тебя согреть. Или не мучайся, такси под дождем карауль».

На пухлых губах Кати блуждала ухмылка. Словно она читала его мысли, потаенные, позорные.

Антон шагнул к макияжному столику, заставленному косметикой. Зеркало в витой раме было заклеено полиэтиленом. Пленка крепилась с помощью скотча.

– И что это за забава такая? – спросил он. – Мы в детстве в контакт играли, в вышибалы, фишки. Девочки – в резинки. А такую игру не помню.

– Повезло вам. – Улыбка завяла.

На экране маршировали карточные солдаты.

– Кого вы там видите? – спросил Антон. – Это ты надоумила Аньку зеркал бояться?

– Да нет. – Катя состроила безразличную мину. – Это традиция русская. Если в доме – покойник, надо занавешивать зеркала. Матвея сегодня домой привезли, так что он там. – Катя подняла взгляд. Антон посмотрел туда же, будто мертвец мог парить под потолком, скрестив руки. – Традиция, –

повторила Катя. Она потянулась, картинно зевнула, выпятила юную грудь. Знала, что хороша, и умело этим пользовалась, бестия.

«Надо сыпаться», – подумал Антон. И продолжил стоять, будто примагниченный к шустрой девице.

– Что тебе, Сергеич, мелкая рассказала?

– Кто? А... ничего такого. У нас... сложные отношения сейчас.

– У нее со всеми сложные отношения. Ходит за мной хвостом. Я говорю: «Ань, я взрослая тетка, ты у меня гадостям научишься».

Катя подчеркнула слово «гадости», стрельнула глазищами.

– Я с ней побеседую, – сказал Антон.

– Побеседуй.

– Только, по-моему, это вы к ней ходите. Собираться негде, а?

Оглушительная трель прокатилась по комнатам. Антону вдруг вспомнились телешоу: коварные девчонки, заманивавшие мужчин в свои гнездышки, чтобы потом шантажировать полицией.

– Не бойся, – проходя мимо, Катя невзначай погладила его по плечу. – Тетки до среды не будет. Это Чижик.

– Кто?

– Чижик-Пыжик. Соседей, Сергеевич, знать надо.

Гость уже не звонил – настойчиво колотил в дверь.

– Чижик! – закатила глаза Катя.

Мол, чего еще от него ждать.

Коридорный мрак пожрал тонкий девичий силуэт. Антон выдохнул. Ну и Катька! Бойкая, переспелая. Уйти бы, не подыгрывать... Вместо этого он приблизился к макияжному столику. Подцепил пальцами отклеившийся уголок пленки, потянул.

Лицо в зеркале было темным, чужим. Он вспомнил, как мальчишкой вызывал Кровавую Мэри. Заперся в туалете с одноклассницей Нинкой Ерошкиной. Страх и секс совместимы, разве нет? Нинка держала свечу (фаллический символ), он трижды позвал Кровавую Мэри, но никто не явился из туннеля над рукомошкой.

В коридоре загрохотало.

Антон прижал к раме уголок пленки. Скрыл улики преступления.

– Короче, есть идея, – сказал парнишка, задком входя в гостиную. – Я тут с одним мужиком сконтачился. Он в этой фигне сечет... умный...

Катя кашлянула. Парнишка обернулся. Лопухий, кучерявый, в руке – черно-оранжевая рация с антенной. Всплыло подзабытое словечко «уоки-токи».

– Драсьте, – буркнул Чижик.

– Знакомься, Сань, – сказала Катя. – Анькин папка.

– Привет. – Антон взглянул на рацию. – Новый айфон?

– Смешно, – не улыбнулся парень.

Казалось, вслед за ним в квартиру вторглась армада теней. Будто громадная лапа заползла в гостиную, перехлестнулась через притолоку и бесшумно скребла потолок. Тени-пальцы расчертили помещение.

– Может, я позже зайду? – предложил Чижик.

– Расслабься, – велела Катя. – Антон – свой человек. Он в теме.

– В какой теме? – вскинул Антон бровь.

– Зеркал.

– А что с зеркалами?

– Сквозь них, – сказал Чижик несмело, – приходит *она*.

– Они... она... Пиковая Дама? – догадался Антон.

Чижик серьезно кивнул. Катя обогнула гостей, послунывила палец и закрепила уголок полиэтилена.

«Заигрались, – констатировал Антон. – Реальность с вымыслом путают».

– Зеркала, – произнес Чижик поучительно, – это граница. Про них столько легенд сочинили. Вот, например, японцы говорят о Ханокко-сан. Призрак девушки, который появляется, если в зеркало ее имя прокричать. Но это байки...

– А про Пиковую Даму, стало быть, не байки?

– Ясно. – Чижик порывисто двинулся к выходу.

– Да брось, – сказала Катя. – Антон притворится, что верит.

– Притворюсь, – сказал Антон. – Рассказывай.

Чижик шмыгнул носом.

– Я ее видел, понятно? Как вас вижу. Нашел этого мужика в Интернете. Пишет, что специалист по всякой чертовщине. Экзорцистом себя называет.

Антон подавил желание вставить шпильку. Про ужастик с блюющей девочкой – в «Самом страшном фильме» пародия была. Кажется, Антона втянули в какой-то подростковый квест. По возрасту проканал... недаром Маринка твердила, что он – вечный юноша... Чем дома займется? Будет зомби отстреливать, геймер-переросток.

– И что сказал специалист?

– Он занервничал сразу. Только я про Пиковую Даму упомянул. Даже побледнел...

«Профессионал! – подумал Антон. – Бабло рубит на таких вот легковых Чижиках. Как эти экстрасенсы-аферисты из телика».

Чижик мерил комнату шагами.

– Он спросил: «Не умер ли кто?»

– Ты про Матвея сказал?

Катя встала возле Антона. Так женщины на вечеринках становятся около своих мужчин, демонстрируя, что те заняты.

– Не сказал. Экзорцист предупредил: первая же смерть – и он не в теме.

– А Матвея, – Антон пощелкал пальцами, – убила Пиковая Дама?

– Нет, блин, – взъершился Чижик. – Инфаркт его убил в

семнадцать лет.

Тон и физиономия парня не на шутку заинтриговали Антона. Подобным образом он с головой проваливался в очередной шутер и ехал, невыспавшийся, на работу. Компьютерные стрелялки стали отдушиной после развода.

– Давайте подытожим, – сказал Антон.

– Чижик считает: в смерти Матвея виноват ритуал. И твоя дочь тоже так считает.

– Предельно понятно.

– Экзорцист сказал, надо узнать, что ей от нас нужно.

Он потряс рацией.

– Ну, пацаны и девчонки, – улыбнулся Антон, – мое почтение. Вашу фантазию бы – да в мирное русло. Книжки писать, комиксы.

– Не верите, значит.

– Кать. – Антон повернулся. – Тебе восемнадцать, да?

– Да...

– И, по-твоему, в зеркале живет Бука?

Катя промолчала, а Чижик надулся:

– Она не Бука. И я ее на телефон снял. Могу показать.

– Зачем же? – хмыкнул Антон. – Я без спецэффектов посмотреть хочу.

Он отстранил Катю, воздухом поплевал на ладони.

– Как там? Пиковая Дама, вылезай.

Антон рывком содрал пленку. Чижик ойкнул. Прямоугольник отразил Катю и ее гостей. Были еще тени, крадущи-

еся вдоль стен, угнездившиеся в углах, черные тени с невидимыми, но внимательными очами.

– Так-так-так. – Антон взгляделся в амальгаму. – Вы здесь видите хоть одну Пиковую Даму?

Ребята не шелохнулись.

– А хоть одного дурака? Который... – Антон сфокусировался на сгустке темноты, стоящем за спинами ребят. Там, в глубине зеркала. – Который поверит в ваши басни?

– Зачем вы... – Голос Чижики дрожал. – Закройте.

– Я в твои годы, – нравоучительно изрек Антон, – девочек клеил. За гаражами курил и пиво пил по подъездам. А не дурью башку забивал.

– Антон Сергеевич, – Катя ожгла строгим взглядом. Подобрала пленку и набросила на макияжный столик, как саван на мертвеца, – дома у себя хозяйничать будете.

Чижик, блее мела, прислонился к спинке кресла. Будто человек, улепетывавший от тигра. Тигр, по его мнению, обитал в зеркале. Но ежели принять эту идею за чистую монету: не сумеет, что ли, страшная ведьма из зазеркалья продраться сквозь хлипкий полиэтилен?

– Ладно он. – Антон чувствовал, как вскипает раздражение. Тридцатishестилетний дядя с ушами, замотанными в подростковую лапшу. – С ним не возникает вопросов. Но ты, Катя. Восемнадцать плюс! Ваш товарищ умер. Без игр, взаправду. У парня порок сердца был, трагедия. А вы приплели какие-то небылицы. Экзорцистов-жуликов.

Он махнул рукой и вышел из гостиной.

Катя бросила в спину:

– Мы понять пытаемся.

Антон уже обувался.

– А я вот не знаю уже, – сказал он, – хочу я вас понимать или нет.

Под «вас» он подразумевал все ту же молодежь.

Тьма сгущалась над микрорайоном. Затапливала поля, подступала к зданиям. Будто осьминог выпустил чернила и они растекались по облакам. Муторные тени роились и ползли на брюхах к высоткам. Словно стаи черных гладкошерстных собак загоняли выдохшуюся добычу, окружали. Мрак замазал рекламный щит на въезде. Бултыхнулся в цементированные ямы. Радостно завозился на этажах пустынных сот.

Задрезжал рифленый забор. Из времянки высунулся смуглый строитель, стрельнул окурком в темноту и сразу юркнул обратно. Чуял, что лучше сидеть внутри. Сигарета просыпала искры, которые тут же слизали гончие сумерек. По оврагам, траншеям, крытым жестью тротуарам они устремились к созвездию беспечно горящих окон, к кучке жилых высоток.

Окна отражались в боковом стекле припаркованного «вольво». В лужах и стеклах отражалась луна.

«Ну хоть дождь прекратился», – думал кисло Антон, перепрыгивая через болотца. Тропинка, проложенная пару лет назад, пришла в негодность до полной готовности района. Плиты погрузились в жирную почву, в прорехах булькала грязь. Поразительно: деревянная рухлядь Марины существует веками, а недавно построенное – бетонное – преврати-

лось в руины. Как так? Хулиганье повыбивало окна бесхозной коробки: то ли будущего магазина, то ли несостоявшегося детского садика. Каркас супермаркета отбрасывал сюрреалистичную тень, напоминающую какое-то бесформенное чудище с полотен Иеронима Босха. И ни души кругом.

Антон озирался на высоты. Он жалел себя, застрявшего в зыбучих песках будней. Транспорт взбунтовался – никуда не уедешь.

Круглосуточный ларек торчал витринами к голому полю и объездной трассе. Пенал с оранжевым светом внутри.

После странных посиделок душа требовала пива.

Антон постучал. За пачками сигарет мелькнула фигура продавщицы. Наверняка злая: кто шастает в такой вечер?

– Два светлых, любых. И орешки.

Желтоватая рука высунулась из оконца, забрала купюры, снова высунулась, уже с арахисом и брелоком. Пульнула в холодильник, отпирая засов. Антон вытащил две бутылки пшеничного, жестом поблагодарил и побрел назад к домам. Пиво сунул в куртку. Бутылки приятно оттягивали карманы.

Марина не ругала его за выпивку. Хуже: облучала холодным взглядом. Мол, бухаешь? Ну-ну. А я продала очередной уродливый стул и получила твою годовичную зарплату.

Антон плюнул в лужу.

Прошел под бетонным колоссом без стеклопакетов и без определенной судьбы. Зыркнул на предателя-«вольво», магнитной таблеткой отворил железную дверь.

В подъезде властвовало гулкое эхо. Что-то чиркало между этажами. Будто там точили ножи или щелкали ножницами.

Чик. Чик. Чик.

Неспешно разъехались створки лифта. Антон ткнул в оплавленную кнопку с циферкой «пять». Пригладил волосы пятерней. В шахте взвизгивали лебедки. По зеркалу ползла зеленая муха, и Антон принял это за добрый знак. Скоро потеплеет. Полноценная, не календарная весна. Весной проще начинать все сызнова. Склеивать себя, как фрагменты раскопанной вазы. Пускай он не вернет товарный вид, но сможет наливать в восстановленный сосуд живую воду радости.

Вон даже восемнадцатилетние девахи до сих пор строят ему глазки.

Вспомнилась откровенно флиртующая Катя. Оброненная фразочка из арсенала соблазнительниц: «За меня уже не сажают».

Муха оттолкнулась лапками, замельтешила прозрачными крылышками и упорхнула вглубь зеркала. Антон пошарил взглядом, выискивая насекомое в кабине, но муха пропала. Свет лампы с трудом пробивался сквозь закопченный плафон.

* * *

– Марин? Ань?

В квартире, в которой он прожил четыре года – и где-то

год из отпущенного срока был счастлив, – царила тишина. На кухне капал кран. Световая дорожка вытекала из спальни, делила надвое коридор. За ней лежал мрак, где старые вещи беззвучно проговаривали свои пыльные секреты: возможно, рассказывали о былом, о графьях и кухарках, о жгучей ненависти и всепобеждающей любви. В детстве родители возили Антона на дачу, и там стоял громоздкий бабушкин сервант. Касаясь облупившейся краски, Антон воображал людей, чьи судьбы были связаны с этим таинственным кладезем дохлых прусаков и щербатых чашек.

– Где вы все? Приютите странника.

Он выставил на кухонный стол бутылки. Клён, как скелет на ниточках, пританцовывал за окном. Марионеточные тени металась по кафелю. Антон вымыл руки, отмечая, что у каждого зеркала – своя, едва различимая манера отражать. Одни льстят вам, иные выставляют носастыми, ушастыми, толстыми или, наоборот, тощими. Врут, как опостылевшие жены, то заигрывая, то невзначай, между прочим, указывая на неприглядную правду.

– Вы чего? Куда запропастились?

Антон вошел в Анину комнату. Трюмо так и не скинуло свой хеллоуинский наряд – простыню Каспера, доброго привидения. Антон представил, как дочь чистит в ванной зубы, зажмурившись, боясь, что из квадрата амальгамы на нее тащится кошмарная лупоглазая ведьма.

«Запутали девочку шуточками своими, приколисты дра-

ные».

В спальне зашуршало. Антон осмотрел трюмо, потом перевел взор левее. Шуршало под кроватью. Шерстяной плед свисал до пола – там, в темноте, кто-то был. Шерсть шевелилась. Появились ступни в оранжевых носках, обтянутые колготами икры. Аня вылезла на четвереньках, задком.

«А кто еще мог там копошиться?» – удивился собственным опасениям Антон.

Аня отгородилась от внешнего шума наушниками и не слышала, как он вошел. Она надевала на указательный палец колечко с дешевым красным камушком. Эту безделушку и искала под кроватью. Осенила отца взглядом, промолчала, но, кажется, обрадовалась его визиту.

– Что за кольцо? Парень твой подарил?

– А?

Антон присел на корточки, освободил уши дочери от пробок.

– Кольцо, говорю, парень подарил?

– Пап, мне двенадцать. У меня нет парня.

«Хорошо», – подумал Антон.

– А ты чего не уехал?

– Решил заночевать. Тебя повоспитывать заодно.

– Как мило.

Маринина фраза. И выражение лица Маринино.

– Где мать?

– В Москве. Срочные дела, – Аня процитировала, паль-

цами обозначив кавычки: – Английский письменный стол с двумя тумбами. Завтра уже не будет – надо мчать.

– Тогда понятно, – улыбнулся Антон, и губы Ани чуть искривились.

Она пыталась сдерживать эмоции. Защищаться обидой.

– Есть что поесть?

– Жаркое в холодильнике. Разогрей.

Антон поднялся и подал дочке руку. Она замялась.

– Айда. Поможешь приготовить.

* * *

Ярко освещенная кухня была оплотом двадцать первого века с его высокими технологиями посреди могущественной тьмы окружавших помещений, захламленных антиквариатом. Антон порой думал, что, если в гостиной закончится свободное место, Марина выкинет холодильник. Зачем он Рюминым? Секретеры, тумбы, лари войдут на кухню косолапо, как ожившие вещи из жутковатого «Мойдодыра».

– Кушай. – Антон пододвинул к дочери тарелку.

– Нет аппетита.

– Появится. Съешь ложечку.

Он нашил на вилку кусочек свинины. Марина, не отнять, прекрасно готовила.

– Поранился? – Аня глянула на забинтованную кисть.

– Дрался с преступниками. – Антон подмигнул. Повер-

нулся, чтобы взять соль. Заметил чайник, накрытый цветастым полотенцем.

– Зайка, а давай поспорим, что ты салат не съешь? Про-
спору – выпью пиво залпом.

Аня не улыбнулась. Сказала жестко:

– Мне двенадцать, а не пять. Не разговаривай со мной как
с младенцем.

– Прости. – Он отхлебнул из бутылки. – Сложно запо-
мнить, когда тебе «только двенадцать», а когда «уже двена-
дцать».

– Ха-ха. В стэндапе себя не пробовал?

Клен потерялся ветками об окно. Там, на улице, завывал
ветер. Как это было? Какой-то гениальный проектировщик
предложил: «А давайте воздвигнем микрорайон в чистом
поле? Авось через сто лет он сольется с городом?»

– Ты завтра уедешь? – спросила Аня, поджимая под себя
ноги – любимая поза.

– Да, рано утром.

Антон подумал про взбешенного Глебыча.

– Завтра Матвея хоронят.

– Знаешь, – нащупывая слова, проговорил Антон, – у ме-
ня ведь тоже друг погиб. Я в восьмом классе учился. Павлик
Ершов. Классный был парень. Его машина сбила. Пьяный
водитель... – Образ Павлика давно померк в голове, сохра-
нились общие ощущения, память о пикниках и речных за-
плывах на расстояние. – Двух одноклассников в живых уже

нет. Так происходит, увы. С каждой потерей образовывается пустота. – Антон коснулся груди. – Мы эту пустоту наполняем воспоминаниями. Так и существуем.

Аня слушала внимательно. Антон воодушевился. В кои-то веки не испортил все, достойно прошел по льду.

– Сложно поверить, насколько мы хрупкие. Живет себе человек, и у него свои увлечения, свои планы. Каждый из нас – целая вселенная. И из-за какого-то пьяного... придурка... эта вселенная разрушается. Инфаркт в семнадцать – это же слишком просто и оттого слишком непредставимо. И мы придумываем разное, чтобы как-то постигать чужую смерть.

– Придумываем? – спросила Аня.

– Я сегодня с ребятами твоими поговорил...

Аня напряглась.

– Кто тебя просил лезть? – Глаза налились слезами. – Кто?

– Мама просила.

– Так маму и успокаивай. – Установленный контакт дал сбой.

Аня вскочила, звякнув тарелкой.

– Анют, я...

– Оставь меня в покое!

Она вылетела из кухни, провалилась в коридорную пасть.

– Твои ребята! – крикнул Антон темноте. – Накрутили себя!

Из туннеля никто не ответил.

– Черти, блин. – Антон скovyрнул пивную этикетку.

Зеленоватое стекло отразило осунувшееся лицо. По столешнице, по бутылке и перебинтованной кисти скользили корявые тени клена.

Антону приснилась Марина. Она лежала на кушетке, Антон держал ее руку в своей руке, потому что видел такие сцены в кино. Хорошая сцена из голливудской мелодрамы. Настоящие отцовские чувства придут позже. Когда он впервые прижмет к себе спеленатую Аню – аккурат в тот миг. Но пока Аня обитает в утробе Марины, а Антон боится до дрожи, что будет плохим, никудышным отцом. Как его собственный папаша, пропойца, бросивший мать с пятилетним мальцом.

И будущий папа изнывал от тревог, он вцепился крепко – сильнее, чем надо, – в руку жены. Седовласый врач, который запросто прошел бы кастинг на роль седовласого врача в кино, водил трансдюсером по блестящему от геля выпуклому животу Марины. На экране крошечное существо – головастик – плавало в околоплодных водах.

– Дочь, – сказал доктор. – Поздравляю.

Антон выдавил дежурную улыбку. Обуреваемый страхами, склонился к Марине и поцеловал в краешек губ. Вновь посмотрел на монитор. Ультразвуковые волны транслировали картинку из Марининой матки. Там – на экране, в животе, – были мухи. Они облепили ребенка и ползали по плаценте.

– У нее есть ножницы, – сказал доктор ошеломленному Антону и улыбнулся широко. – Чтобы резать пуповины.

Антон проснулся, едва не сверзившись на пол. Вокруг громоздились музейные экспонаты. Немецкие буфеты, кабинеты для гравюр, французские дрессуары словно хороводили в темноте. Антон вспомнил: он заночевал у бывшей жены, заснул на изысканной тахте.

Пятки коснулись прохладного паркета. Тяжелые портьеры преграждали доступ лунному свету. Антон извлек телефон. Дисплей стал светлячком в чертогах мрака. Полированное дерево перехватило отсвет.

Дом издавал звуки, свойственные старинным особнякам, а не свежеиспеченным новостройкам. Дом скрипел, сипел, подвывал в унисон с ледяным ветром, охаживающим фасад. Или это мебель Марины скрипела и сипела своенравно.

Часы показывали тройку с тремя нолями. Мочевой пузырь был переполнен пивом. Антон встал, ворча. Подсветил дисплеем. Сбоку проплыл такой же белый огонек. Антон чиркнул локтем по дубовому комоду, повернулся. Зеркала в темноте создавали причудливый эффект. Словно двери, из которых глядят незнакомцы.

Зеркало на комоду было метровым, окаймленным узорами в виде колонн. Этого-то калеку зачем тащить в дом? Из жалости? Кто его купит? Верхушка зеркала оказалась растрескавшейся, стекла норовили вывалиться острыми гранями. Упаси бог, Аня порежется. Трещина пролегла к нижней планке рамы, рассекла отражение Антона. Или кто там стоял в прямоугольнике, черный-черный.

Антон подвигал пальцами – и расслабился, когда тень покладисто повторила его жест. Будто ждал спросонку, что отражение взбунтуется, как «вольво». Хмыкнул, представив чувства человека, осознавшего: зеркальный дублер не играет больше в исправного повторяшку, а просто стоит и прожигает тебя взглядом черных ненавидящих глаз.

Истории тинейджеров были заразными. Взрослый мужик усомнился на секунду – что же говорить про двенадцатилетнюю девочку.

Антон протиснулся между буфетов. Зеркало смотрело в спину.

«Не глупи».

Старики говорили: разбитое зеркало в квартире – к несчастью. Мало Марине несчастий? Или и на эту рухлядь найдутся покупатели?

* * *

Антон застегнул ширинку, смыл воду в унитазе. Бочок побурчал и затих. Клен танцевал за кухонными окнами без устали.

«Посплю два часа, – решил Антон, – и вызову такси. Сразу в мастерскую – опережу Глебыча и успокою».

Шагая по коридору, он заглянул к Ане.

Луна оседлала каркас долгостроя, точно глаз Саурана на башне. Ее света хватало, чтобы видеть: кровать дочери пуста,

простыни скомканы. Мрак, клубящийся ниже уровня подоконника, шевельнулся. Чьи-то ноги быстро втянулись под кровать, потревожив край одеяла.

«Что значит „чья-то“?»

– Ты чего не спишь?

Аня не отреагировала. Антон переступил порог спальни, зажег свет, окатил раздраженным взором трюмо, переоблачившееся в Каспера.

– Зайка, кончай. Три часа ночи.

Он встал на колени и откинул одеяльный полог. Припал грудью к коврику. Под кроватью никого не было. Убеждаясь, что зрение не обманывает, Антон зачерпнул перебинтованной рукой пустоту. Мизинец коснулся какого-то предмета. Антон вытащил его – это оказался распахнутый блокнот. Анины рисунки карандашами.

В недрах темной квартиры задремезало.

«Долбаное дерево лупит по стеклам, – сказал себе Антон. – Хватит выдумывать».

Он смотрел в блокнот, а с разворота на него смотрело дважды повторенное лицо. Картинки напомнили холст того депрессивного немецкого художника, где человек на мосту кричит и хватается за голову. Но персонаж известной картины кричал от страха. Лица со страниц выражали не страх – абсолютную злобу. Безволосые, с овалами ртов и черными провалами глазниц. Антон перелистнул страницу.

Те же вопящие уродцы, но в полный рост. Плети длин-

ных рук. В клешнях тщательно выписанные ножницы. Юбки, маскирующие ноги (наверное, такие же тощие). Узкие черепа, карандашные штрихи по сторонам, имитирующие темноту.

Андрей швырнул блокнот на кровать.

– Аня, поздновато для прятков.

Он направился в коридор. Под ногами звякнуло. Портняжные ножницы проехали по паркету и замерли – лезвиями к зашторенному трюмо.

«Марина расширила круг антикварных интересов?»

Антон нагнулся.

Ножницы были до странного холодными, точно их хранили в морозильнике. Не парикмахерские, а портняжные, кованные, больше похожие на пинцет, но с отточенными темными лезвиями и неровными кольцами. Скрепляющая металлическая пуговка побурела от ржавчины, и режущая кромка была рыжей.

В пальцах Антона ножницы щелкнули: сочный отвратительный звук.

«Чертовщина». Никогда прежде это словечко не будило такую тревогу.

Вспоминая, что именно ножницы фигурировали в кошмаре, Антон двигался по квартире.

Он никогда не понимал, зачем им так много пространства? И как хорошо было в тесной однушке студентам Рюминым... Привольно, радостно, беззаботно.

Коридорный выключатель повел себя так же, как автомобиль: подло проигнорировал команду. Тьма гостиной давила чуждым присутствием, обманывала зрение. Безрезультатно пощелкав клавишей, Антон свернул за угол.

Аня стояла на кухне, спиной к нему, окруженная тенями веток. Как оленье рога, они растопырились по стенам и потолку.

– Ты что тут делаешь?

Дочь не шелохнулась. Вместо этого шелохнулись тени. Заскользили, словно гладили Анины волосы, расчесывали на пробор.

– Она здесь, – полушепотом ответила Аня.

Черный отросток свернулся спиралью. Разве тень от ветки так может? Щупальца выплывали из-за контура девичьей головы. Похоже на то, как плавают в воде длинные косы...

– Она меня стрижет.

От напряжения слезились глаза. Воздух сгущался и затвердевал. А на кухне затвердевали, менялись тени. Они больше не имели ничего общего с ветками клена. Их источник находился не за окном, а за гудящим холодильником.

Антон заставил себя сделать шаг. В углу кто-то прятался. Щупальца цвета нефти струились в лунном сиянии. Тонкая рука отпочковалась от холодильника, раздвинула суставчатые пальцы, как фокусник – колоду карт.

– Пап!

Антон резко обернулся.

Аня стояла в коридоре. Ее голос, ее пижама, ее личико. Но тогда кто...

– Не ходи туда, – сказала вторая Аня, сверкнув заплаканными глазами. – Это не я. Разве ты не понимаешь?

Антон, лишившийся дара речи, посмотрел влево.

Аня – Аня первая, шептавшая из полутьмы, – прыгнула на столешницу, будто жабка. Уперлась в клеенку кулачками. Перескочила на рукомойник. Это напоминало дурной монтаж. Отсутствовали кадры, из-за чего казалось, что Аня исчезает и вновь появляется – то там, то тут, хаотично.

– Беги, – сказали из коридора.

Черная девочка в облаках щупалец прыгнула на Антона. Холодные пальцы обхватили горло.

* * *

Антон проснулся, захлебываясь, отталкивая от себя несущегося противника.

– Ох ты блин. – Он облизал губы. Совладал с дыханием. В коридоре горел свет и желтоватый ореол окутывал антикварную мебель. – Надо же...

Сон. Дурацкий сон.

Улыбка тронула пересохшие губы. Антон свесился с тахты.

Дверь столетнего шкафа была отворена и внутри сидело тощее деформированное чудовище. Длинные костлявые ла-

пы выпростались к Антону. Глаза пылали угольями, топками.

– Пап?

Аня вошла в гостиную. Захотелось заорать: «Осторожно, там в гардеробе Пиковая Дама!» Но здравый смысл возобладал. Аня кляцнула выключателем, электричество прогнало тьму за буфеты и тумбы. Шкаф был закрыт. Жуткий монстр оказался тенями на дверцах.

– Чего не спишь? – спросил Антон.

Сердце галопировало, подстегнутое кошмаром. Подумалось, что он уже задавал этот вопрос... во сне...

– Ты кричал.

Аня стояла поодаль, у резного секретера.

«Чтобы не отражаться в расколоте зеркала», – догадался Антон.

Он сел на тахту и вытер ладонью влажное лицо.

– Что тебе снилось, пап?

– Налоговая, – солгал Антон.

Прощались с Матвеем в крематории, огромном, торжественном и гулком. Марина и не знала, что в их городе есть крематорий. Она всерьез беспокоилась, что тело сожгут на глазах гостей – на глазах шокированной дочери. Огонь оближет труп: займутся великолепные золотые волосы мальчика, зашипит и запузырится подкожный жир. Жидкости закипят в пылающей домовине – и останутся только кости, которые сотрудники размельчат щупами... или чем там они пользуются.

В Москве Марина заключила отличную сделку. Письменный стол фирмы «Уинстон и Уолтмен» доставят на днях, плюс она продала коллекционеру итальянский армадио. Элегантный и галантный – не чета бывшему муженьку – коллекционер приглашал на чай, но Марина отказалась вежливо, и утром, по дороге домой, жалела. Не рано ли она себя хоронит? Аня – моргнуть не успеет – вырастет, закончит школу, уедет учиться. Марина останется одна со своим антиквариатом. Конечно, раньше мечталось выйти замуж раз и навсегда, но реальность вносит в планы свои коррективы. Со сколькими мечтами распрощалась, заматерев!

Надо было соглашаться на чай...

Не отдохнув с дороги, наскоро выпив кофе, она поехала к городской больнице, к примостившемуся за больницей кре-

маторию. Накрапывал дождь. По ряби луж плыли опрокинутые животастые облака.

Темный коридор устилал темный палас цвета запекшейся крови. Ковровая дорожка в загробный мир. Стулья по сторонам – такие не продашь щеголеватому столичному коллекционеру.

Марина читала, что первый в России крематорий появился в столице на Донском кладбище. Ленин, презиравший народные традиции, решил модернизировать похоронный процесс, заказал за границей печь германской фирмы «Топф» для кремации трупов. Такими печами потом активно пользовались нацисты в концлагерях. Советская пресса агитировала за модный метод утилизации мертвецов. Вполне материалистическое отношение к смерти: новопреставленного – сжечь. Экономно и гигиенично.

Коридор привел в мрачный церемониальный зал. Гроб стоял на мраморном постаменте. Рядом толпились люди в черном. Одноклассники, родственники, учителя. Потрясенная мать плакала, склонившись над Матвеем. Говорила мертвому сыну ласковые слова, от которых сердце щемило.

Марина представила, что...

Нет, не представила. Прочь такие мысли!

Отгородившись ментальным блоком, она поискала Аню. Дочь стояла рядом с соседями: симпатичной норовистой Катей и придурковатым Саней, которого все, даже родители, называли Чижиком. Аня не плакала. Смотрела в гроб сухи-

ми глазами, теребила молнию на курточке. Траурный цвет подчеркивал белизну ее кожи.

Первые похороны... первая потеря...

Скоропостижная смерть бабушек не в счет – Аня была слишком маленькой.

Марина привстала на цыпочки, но мужчины закрывали обзор. Видны были гвоздики в изножье. Однажды Антон подарил ей роскошный букет роз. Они еще не жили вместе – начало, романтический период. Это потом выяснится, что вся романтика Антона – дежурные цветы Восьмого марта и минутные прелюдии перед сексом. Но тогда окрыленная Марина возвращалась со свидания и в автобусе пересчитала розы. Двадцать шесть – четное число. Наверное, в магазине добавили лишнюю.

Суеверная Марина подумала, что это – плохой знак.

Не прогнозировали ли те розы печальный исход грядущего брака?

Марина часто спрашивала себя, как могла она уберечь семью? Зарабатывать меньше? Прятать деньги от ранимого мужа, теща его дурацкое самолюбие?

Какие глупости, блин...

Безутешная мать причитала над сыном.

Марина подняла взор. Потолок церемониального зала был выложен из серого сверкающего гранита. В плитах отражался гроб и Матвей, точно он висел над шуршащей толпой. Померещилось, что веки мертвеца не опущены, что он смотрит

– и смотрит прямо на Марину.

Марина попятилась, не сводя с потолка глаз. Удивительно, посещение крематория повлияло на нее сильнее, чем на двенадцатилетнюю дочь! Гранит отражал женщину в черном, стоящую за спиной. Понимая, что они сейчас врежутся, Марина обернулась, но позади никого не было.

– Привет.

Марина вздрогнула.

В проходе вырос Антон.

– Привет. – Марина разгладила складки на пальто. – Ты чего не работаешь?

– Пообещал вчера Аньке поддержать ее. Опоздал, правда...

– А заказ? А налоговая?

Будто не было развода. Заботливая жена волнуется о бизнесе мужа.

– Я в половине шестого уже в мастерской был. Отремонтировал ведро. А налоговая на пятницу перенеслась – Глеб-быч перепутал со страху.

– Порезал руку?

– Пустяк. До свадьбы заживет.

– Ты дома... ты у нас ночевал?

– На царской кушетке. – Антон понизил голос. – На ней, кстати, никто не умирал?

Марина пожала плечами. Разговор иссяк. Потоптались, разглядывая гроб за скорбящим караулом.

– Я отлучусь, – сказал Антон.

– Отлучись, – безразлично ответила Марина и пошла к дочери через толпу, стараясь больше не смотреть на потолок.

Если в крематории и был туалет, Антон его не нашел. Выбрался под мерзкий назойливый дождь, зашлепал к больнице, потрепанной, нуждающейся в капитальном ремонте.

Деревья отряхивались от мороси, как псы.

В каких-то ста метрах, в соседнем корпусе, появилась на свет Аня. Толстушка. Почти четыре кило, пятьдесят сантиметров роста. И Антон подумал, какая эта титаническая радость – дышащий теплый комочек на руках.

Антон пересек вестибюль. Тени от кадок с фикусами разрисовали линолеум. Молоденькая медсестра покосилась неодобрительно, словно бомж вторгся в царский дворец. Но учитывая беспокойную ночь и утреннюю запарку... он действительно выглядел на троечку.

В больничном туалете мигали и потрескивали флуоресцентные трубки. Зеленоватый свет гримировал посетителя под утопленника из американского фильма ужасов. Воняло гниющей тряпкой, хлоркой, мочой. Вместо унитаза – замшелая дыра в полу. Ревущий поток, когда он дернул за веревку.

Под рокот бачка Антон подошел к умывальнику. Облупленный кран нацедил струйку воды. Отощавший обмылок запах клубникой в ладонях. Заживающая царапина пощипывала. Антон умывался, оттягивая время. Чтобы не возвращаться в душный зал, чтобы встретить Марину и Аню на

улице и подвезти до дому.

Было тяжело и тошно изображать фальшивую скорбь, грустить о человеке, которого не знал.

Антон выпрямился, изучая отражение. Морщины, седоватую местами щетину... Взор сместился на черное пятно за плечом. Возле кабинок стояла женщина. Вот гладкий, без волос, череп, вот платье – дырявое рубище. Потонувшие в тенях глаза. Вокруг женщины плавали, грациозно извивались отростки, щупальца спрута.

Антон обернулся, холодея.

Пусто. Четыре затворенные кабинки, ни единой лысой женщины.

«Надо нервы беречь». – Антон закрутил кран. Глянул в зеркало хмуро. Там был только он, только зеленый свет и муха, ползущая по кафелю.

Вытирая руки о джинсы, Антон шагнул к выходу. Лампы замигали быстро-быстро, как стробоскопы. Тень на стене – тень Антона, конечно, – то исчезала, то появлялась. Он дернул дверную ручку.

Свет погас на мгновение. Забулькало в трубах.

Антон посмотрел через плечо.

Мгла окуривала туалет как живой дым. Особенно много ее было в грязноватом зеркале. Из-за освещения казалось, что амальгама выдувается парусом внутрь туалета.

Антон навалился на дверное полотно.

– Эй! Тут люди! Вы меня заперли!..

Дверь не поддавалась. Антон стукнул кулаком. Будто реагируя на удар, в одной из кабинок с рыком спустилась вода. Бачок засопел по-звериному.

Антон оторвался от двери.

Из кабинки никто не вышел. Затих заново наполнившийся бачок. Электрические трубки зажужжали мухами. Мигнули: свет-тьма-свет. Антон ослабил ворот рубашки – вдруг дышать стало тяжело. В висках ломило от насканивающей темноты и флуоресцентных спазмов.

«Она там, – шепнул голосок в голове. – Пиковая Дама с ржавыми портняжными ножницами».

Дверь второй кабинки распахнулась. Антон отпрянул.

Мужчина в халате окинул его озадаченным взглядом.

– Вы в порядке?

– Д-да.

– А по вам не скажешь. – Мужчина сгорбился над раковиной.

– Замок... заклинило и...

Мужчина – медик – отряхнулся.

– Позвольте.

Он протянул руку. Антон моргал осоловело.

– Позвольте-позвольте. Я врач.

Влажные пальцы окольцевали запястье.

– А что это у вас с пульсом, дорогой мой?

– Ничего, – буркнул Антон.

– Ничего? У вас сердечко через горло не выпрыгнет?

– Я был в крематории. – Антон поправил рукав. – Не привык к смертям.

– Парнишку хороните? – Врач вынул из кармана расческу, глядя в зеркало, разделил волосы на пробор. – Вы родственник?

– Нет. Сосед.

– Семнадцать лет. – Доктор поцокал языком. Толкнул дверь с силой – и она открылась. Антон вышел за освободителем в сумрачный коридор. – Миокарда. Вот такой рубец, – врач показал палец. – Бедолага.

– Что это значит? – поинтересовался Антон.

– А то и значит. Врожденный порок.

– То есть ничего необычного?

Доктор остановился. Вскинул кустистые брови:

– В каком смысле – «необычного»?

– Да я так... мало ли...

Антон выругал себя. Что он ждал услышать? Что из сердца мальчишки извлекли ножницы? Все-таки заразной была дурь Чижики-Пыжика и лисички-сестрички Екатерины Батьковны.

Между Антоном и медиком прошла санитарка, поздоровалась:

– Добрый день, Михаил Иванович.

– И вам, и вам, – задумчиво пробормотал доктор. Санитарка поцокала каблучками к аптеке. – Как вас, дорогой мой?..

– Антон...

– Антон, на пару слов.

Рабочий стол Михаила Ивановича был завален бумагами. Доктор порылся в ящике, вынул стопку документов, полистал. Прищурился заговорщически.

– Я для отчетности фотографии делаю. Вы не из брезгливых?

– Нет...

Заинтригованный, Антон взял предложенный снимок. Через минуту он спросил тихо:

– Это фотошоп?

На фотографии было тело: от пояса до кадыка. Край кадра обрезал голову, а грудную клетку разрезал шрам. Матвея выпотрошили на металлическом столе и заново зашили. В свете ламп тело отливало голубизной.

– Я думал, брак, – сказал доктор негромко.

Поверх снимка проступало Лицо. Как на рентгене: костистые скулы, запавшие глаза. Сквозь глазницу просвечивал белый сосок мертвеца. Будто зрачок с бельмом.

В помещении стало жарко. Муха ползала по окну: то ли внутри кабинета, то ли между стеклами, не разобрать. В зеркале над столом отражался помрачневший доктор.

– Я переснял.

Второе фото легло в руку Антону. Царапнуло уголком рану.

Лицо уменьшилось, но не пропало. Оно парило над тру-

пом. Черные глаза, острый подбородок. Вместо рта – пролегающий вдоль грудины Матвея шрам. От того, насколько похоже лицо на рисунок в Анином блокноте, волосы вздыбились.

Доктор жаждал ответов.

Что ему сказать? Детвора баловалась и вызвала из зазеркалья нехорошую женщину? Антон не верил в призраков...

Или верил? Глядя на фотографию – верил.

– Вы сказали «необычное». По-моему, достаточно необычно.

Антон промычал нечленораздельно. Опустил на стол снимок.

– Что вы знаете? – допытывался Михаил Иванович.

– Ничего...

– Так я и думал. – Доктор глянул в зеркало, поправил челку. – В гостях у сказки, – хмыкнул он.

Во дворе скрипели качели, катая по кругу компанию невидимок. Ветер, как заботливый родитель, подталкивал люльки. Звук несмазанных петель отдавался болью в зубы.

Антон мазнул взором по долгострою. В глубине промозглой конструкции кто-то гулял. Тени балок скрадывали фигуру. Другой гуляка расхаживал за покосившимся рифленным забором, чавкал грязью.

На улице же не было ни души. После столпотворения в крематории безлюдный микрорайон навевал мысли о пустыне. Здесь всегда было тоскливо – говорил же Антон жене, оттащив от риелтора: «Это медвежий угол! Тмутаракань! Давай другие варианты посмотрим». А она убеждала: «Год другой – все здания возведут, разобьют парк, супермаркет откроют». Парк и супермаркет так и оставались картинками на оптимистическом рекламном щите. Ветер прошивал насквозь каркасы высоток. Птицы свили гнезда в несостоявшихся детских, в спальнях и туалетах. Вдали оцетинился кронами сосновый лес.

Антону захотелось покурить – впервые за три года. Он закинулся мятной пластинкой, вошел в подъезд. Лифт пыхтел, увозя вверх Марину и Аню, а с ними – Анину подружку.

Из крематория ехали на автомобиле Антона. Заодно захватили Катю. «Вольво» отремонтировался сам собой рано

утром. Отоспался за ночь, послушно завелся, изумив водителя. Будто некая сила хотела, чтобы он ночевал в квартире бывшей жены.

«Не сходи с ума», – обозлился Антон.

Катя всю дорогу бросала загадочные взгляды. Накручивала локон на палец, кусала губы, хлопала пушистыми ресницами. Рядом с Антоном уселась, вполоборота. Чуть заслонилась правой рукой. Аня в точности скопировала ее позу – припарковавшись, Антон понял: они обе закрывались от зеркала заднего вида.

Антон погуглил: у страха перед зеркалами было название: спектрофобия. Она же – эйсотрофобия. Но спектрофобов пугала собственная внешность, а не твари, теоретически обитающие в амальгаме.

«Сложно им, – размышлял Антон. – Зеркала повсюду. Витрины, окна, лужи, банальная чашка кофе – кругом отражения».

Потрясающе, сколько всего вылезало на поверхность из самых обыкновенных зеркал. Их использовали для создания червоточин помешанные на путешествиях во времени чудаки. Пара пластин помещалась в вакуум – и возникало квантовое поле, эффект Казимира. Мощная отрицательная область пространства-времени, от которой, по мнению теоретиков, шаг до туризма в прошлое или будущее. Зеркала играли центральную роль в экспериментах с «фантомными конечностями», в изучении интеллекта животных и в создании

почти мистических иллюзий. Отражение искажается, если в полутьме десять минут смотреть в зеркало.

Существовали даже акустические зеркала, отражающие звук! Нереверсивные, атомные, лунные зеркала...

Темнота шевельнулась площадкой выше.

Антон вскинулся:

– Чижик!

– Я – Саня, – буркнул угрюмо паренек.

После похорон он куда-то запропастился. Оказывается, опередил Рюминых. В руке Чижик держал знакомую рацию. Тихий шорох статических помех доносился до слуха. Чижик поклацал, отключив приемник.

– Ты телепортировался, что ли?

Антон старался говорить добродушно. Взялся за перила, уперся в ступеньку ботинком.

– Я раньше ушел. Не смог...

– Смерть товарища – это страшно.

– Не в том дело. – Чижик ковырнул мыском бетон. – Там гранит везде.

– И что? – Антона осенило. – Гладкая поверхность отражает?

Чижик промолчал.

Антон взбежал по лестнице.

– Саня, ты про какое-то видео рассказывал.

– Ну.

– Баранки гну. Крути кино, Кубрик.

...Снимали в гостиной Рюминых. Для остротки погасили свет. Антикварное зеркало, в зеркале – дочь, Катя и оператор – Чижик. У Ани в руке толстая свеча. Язычок огня подрагивает.

– А Матвей где?

– В шкафу. – Чижик съежился под взглядом Антона. – Мы хотели Аньку разыграть.

– Разыграли, – процедил Антон, возвращаясь к телефонному дисплею.

Сейчас он рассмотрел рисунок помадой на зеркале: дверь и лесенка. С Нинкой Ерошкиной они вызывали Кровавую Мэри без рисунков.

«Может, поэтому не вышло?» – каркнул внутренний голос.

На видео Аня сказала:

– Пиковая Дама, приди.

– Громче, – велела Катя.

«Советница, блин».

– Пиковая Дама, приди.

Свеча двоилась в треснувшем зеркале.

– Пиковая Дама, приди.

Заскрипело. Катя повернулась к камере, удивленная. Сквозняк задул свечу. Оператор водил окуляром по комна-

те, выискивая источник шума.

– Шкаф! – воскликнула Катя наигранно.

В кадре появилось перекошенное личико Ани.

«Выписать бы им хорошего наваристого ремня», – подумал Антон.

Отворившийся гардероб исторг монстра. Маска демона из «Зловещих мертвецов», погремушка в кулаке. Аня завизжала. Камера услужливо продемонстрировала, как девочка заклоняется ладошками. За кадром хихикала Катя, похрюкивал оператор.

Матвей стащил маску, довольно скалясь. Антон отметил, что он был симпатичным мальчишкой, рослым, с копной золотистых волос: такой бы и в спорте преуспел, и девочек охмурял бы... А его сожгли в крематорской печи, прах не успел остыть.

– Скинешь мне видео потом, – сказал Матвей. Бракованное сердце отбивало в его груди последние удары.

– Дураки! – запричитала Аня. – Дебилы.

«Вот-вот», – мысленно поддержал отец.

– Ань, ну брось. Пошутили мы.

Ролик закончился.

* * *

– Пошутили. – Антон зыркнул на Чижику. В подъезде басило эхо. – Вам по семнадцать лет, малахольные. Катке во-

обще восемнадцать. И вы над семиклассницей издеваетесь.

– Мы же по-дружески.

– Я б тебя выпорол по-дружески, да толку мало. Это все доказательства?

Чижик почесал за ухом.

– Я тоже не увидел сразу. Дома пересмотрел. На пятнадцатой секунде, дайте...

Чижик перевел бегунок на сенсорном экране. Картинка пошла медленно, по кадрам. Аня словно барахталась в киселе, поворачивалась разом с Катькой.

– Стоп. – Антон нажал на паузу. – Вот она.

Поверх Аниной головы лоснилось продолговатое зеркало. Глубокое – кажется, куда глубже отраженного помещения. Действительно, дверь. И в дверях – ночной визитер.

Желудок Антона наполнился ледяшками.

Чтобы оператор не снимал в темноте, молодежь включила коридорную лампу. Рассеянный свет подчеркивал черноту фигуры, стоящей за спинами ребят, меж поддельных колонн деревянной рамы. Лысая голова над зазубренной трещиной. Миг – и камера отплыла в сторону.

– Бред какой-то. – Антон ткнул Чижику телефон. Помассировал переносицу. – Вы прикалывались над Анькой, а кто-то приколотся над вами.

– Ага. Особенно над Матвеем.

На площадке затрещало. Ожила рация, которую Чижик засунул в карман пуховика. Шорох, словно в уоки-токи ро-

ились жуки.

– Пойдем-ка, – поманил Антон.

– Я в лифте не поеду, – застопорился Чижик.

– А, ну да. Спектрофобия.

– Что?

– По лестнице – шагом марш!

* * *

Марина стряпала на кухне. Запах жареных грибов пробудил голод и взбудоражил ностальгию.

– Марин, я тут с Аниным приятелем. Мы зайдем?

«Ну конечно. Это больше не моя квартира. Полагается спрашивать».

– А, привет, Саша. – Марина вытерла руки о фартук.

Домашний вид жены вызвал прилив нежности и тоски по утраченной семейной идиллии.

– Драсьте, тетя Марин.

Гости разулись.

– Они в спальне, проходите.

Аня сидела за компьютерным столом. Катя – на диване. Только сейчас Антон обратил внимание: у девочек одинаковые прически. Значит, Анька косит под старшую подружку. Он надеялся, что в восемнадцать дочь не притащит к себе тридцатишестилетнего мужика, не будет вертеть перед ним задницей.

– Я вам Чижику привел.

– Я – Саня.

– Как хочешь. – Антон сел возле дочки, приобнял. Ощущал, как она сжалась от его прикосновения, но руки не убрал. – Будем экспериментировать. Алехандро!

Парнишка сдвинул в центр комнаты розовый пуфик и положил на него уоки-токи.

– Что ваш Ван Хелсинг говорил?

– Кто? – переспросила Катя.

– Эх, юнцы. Это из «Дракулы». Классика. Ну, Экзорцист-самоучка ваш, что сказал?

– Он не самоучка, – обиделся Чижик. – У него диплом есть.

– Хогвартский? Виноват.

– Он сказал: рация – популярный способ общения с миром духов.

– Я думал, ведьмина доска.

– Пап, – стрельнула глазами Аня.

Антон провел рукой у губ, застегнул невидимую молнию: нем как рыба.

– Ведьмина доска, – сказал Чижик важно, – позапрошлый век. Спириты используют передатчики... Томас Эдисон, изобретатель радио, мечтал об аппарате, который позволил бы связываться с умершими. Он допускал, что души могут путешествовать.

– Души? – В дверном проеме появилась Марина. – Вы чем

тут занимаетесь? Опять друг друга пугаете?

Молодежь стушевалась. Антон вытянул губы трубочкой:

– Ну...

– Ты подыгрываешь им? – насупилась Марина. – Хочешь, чтобы эта параноя усугубилась?

– Напротив, – мягко сказал Антон. – Хочу опытным путем доказать, что в зеркалах никого нет.

– Есть, – упрямо прошептала Аня.

– Заканчивайте валять дурака.

– Марин, погоди. Это же терапия.

– Антон... Ради бога...

– Ты просила меня вмешаться? Я вмешиваюсь. Давай или ты, или я.

Марина вскинула руки – сдаюсь! – и удалилась на кухню, нарочито громко топая.

– На чем мы остановились? – спросил Антон.

– Звукозаписывающие устройства, – сказал Чижик, – ловят и обрабатывают электромагнитные волны. Для их генерации не обязательно наличие голосовых связей. Источником колебания могут быть разные объекты...

– Мертвецы, – сказала Катя.

Антон ощутил легкий холодок в районе солнечного сплетения.

– В девяносто третьем группа американских физиков исследовала заброшенный аттракцион, в котором якобы водились привидения. Они оставили включенный диктофон на

ночь в комнате с кривыми зеркалами. Когда прослушали пленку, там были голоса, стоны. Они говорили, что застряли в зеркалах. – Чижик перевел дыхание. – Есть запись голоса Гагарина. Сделанная после его смерти. Космонавт кричит: «Звезды черные и живые».

– И это точно-точно Гагарин? – спросил Антон.

– Не знаю. А в шестидесятых один западный орнитолог записывал в лесу пение птиц. На записи он четко услышал голос покойной матери: «Мы визжим в гробах».

– Так, ладно. – Антон взъерошил волосы дочери. Та отстранилась. – Что с рацией?

– Выбираем частоту, где не идет трансляция. – Чижик настроил уоки-токи на монотонный треск. – Зеркало придется открыть.

Антон встал, подошел к трюмо и жестом трюкача сорвал простыню. В зеркало не глянул. Чего он не видел в зеркалах?

– Пусть каждый положит свою вещь. Любую. – Чижик опустил рядом с шипящей рацией связку ключей.

– А это зачем? – спросил Антон.

– Сказано так.

– Не смею перечить. – Антон вынул автомобильный брелок. Катя положила на пуфик агатовый браслет, а Аня – колечко с красным камнем.

– Готовы? – Чижик оглядел присутствующих. Склонился к рации: – Пиковая Дама, приди.

Пришла не Дама, а Марина. Молча оперлась о косяк,

неодобрительно цыкнула и скрестила на груди руки.

– Повторяйте, – сказал Чижик.

Нестройный хор провозгласил:

– Пиковая Дама, приди. Пиковая Дама, приди.

Марина посмотрела на трюмо и поджала губы.

– Пиковая Дама, приди.

Антону показалось, что свет потускнел. Клен терся ветвями о карниз. Надо в ЖЭК обратиться, чтобы спилили к чертовой матери.

Пять пар глаз сканировали приемник. В голове Антона мельтешили разрозненные картинки: снимок мертвого заштопанного Матвея, парящее в воздухе лицо. Черные глаза и шов вместо рта. Образ из ночного кошмара: черный силуэт за холодильником, ползущие по кухне щупальца мрака. Кричащая женщина в блокноте Аньки.

«Мы визжим в гробах»...

«У нее есть ножницы, чтобы резать пуповины»...

Отваживая тревожные мысли, Антон сфокусировался на образе одноклассницы Нинки Ерошкиной, с которой заперся в ванной, вызывал Кровавую Мэри, изнывая от желания целоваться. Современные тинейджеры даже мистический ритуал не могут правильно провести...

– Может, за руки взяться? – улыбнулся Антон.

– Мне это надоело. – Марина шагнула к пуфику решительно. – Закругляйтесь-ка.

Уоки-токи издало шелканье. Будто лезвия старых ножниц

сомкнулись. Чик-чик.

Марина нахмурилась.

– Это оно, – воскликнула Катя.

Чик-чик.

От клацанья в животе Антона началась неприятная резь.

Чик.

«Совпадение», – подумал он оторопело.

Рация затрещала пронзительно. Сквозь радиошум пробивался навязчивый звук. Быстрое щелканье ножниц, тоскливая мелодия вроде колыбельной песни. Но такую колыбельную Антон не спел бы своему ребенку. Похоронную, тоскливую. Он не взялся бы объяснять, однако мелодия заставила подумать о вымерших таежных деревнях, о гнилых срубах, о старухе, баюкающей запеленатую головешку, поющую ей замогильным голосом.

Откуда явились эти причудливые мысли, Антон не знал.

– Чего ты от нас хочешь? – спросил Чижики.

Рация шипела змеей, гадюкой. Марина, словно ноги не держали, села тяжело на кровать. Бывшие супруги переглянулись. Взгляд Марины умолял сказать, что это розыгрыш.

– Наверное, – сказала Катя, – надо так спрашивать, чтобы она отвечала «да» или «нет».

– Ты нас преследуешь?

Чик.

– Это «да»?

– Допустим, – тихо сказал Антон. Рот пересох.

– Зачем мы тебе?

– «Да» или «нет», Чижик!

Парень засопел, в мозгу вращались шестеренки.

– Мы тебе зачем-то нужны?

– А ты как думал? – огрызнулась Катя.

– Вот бери и сама с ней разговаривай.

– Дама, – Катя обратилась к источнику шороха и далекой-далекой песни. – Мы все тебе нужны? Каждый?

Ножницы клацнули дважды.

Антон одолевал прилипчивый образ прогнившего сруба и старухи, что сидит у разрушенной печи вполоборота, качая лжемладенца.

– Не все, – подытожил Чижик. – Кто-то один. Катя?

Катя хлестнула приятеля взглядом, выставила средний палец. Шум утихал. Ножницы больше не вгрызались в разум и желудок Антона.

– Я? – спросил Чижик.

Существа, путешествовавшие по радиоволнам, потеряли к беседе интерес.

Чижик повернулся к Ане.

«Нет, – мысленно закричал Антон. – Нет, нет, нет».

– Тебе нужна Аня?

Спальня взорвалась треском статических помех. Словно деревянная колыбель раскачивалась, скрипя пазами. Антон невольно отпрянул. Слушая колыбельную, вокализ, мычание без слов, мелодию, нашептанную посиневшими губа-

ми, мертвыми голосовыми связками, он поверил во все. Что Матвея убила потусторонняя тварь. Что в зеркалах – в том вон окне над трюмо – обитает голодное и злобное чудовище. Человек двадцать первого века моментально обратился в за-
травленное суеверное существо.

Потому что ножницы клацали, как железный клюв разъяренной птицы.

Потому что Пиковая Дама преследовала его дочь.

– Хватит! – Антон ударил по рации. Как муху прищепнул. Колыбельная, шелканье и шумы выключились мгновенно. – Дебильная игра.

Разум агонизировал, выискивая рациональное зерно в плеведах безумия.

– Где вторая рация? Которая сигналы подавала.

– Нет никакой второй рации, – сказал Чижик.

Аня дрожала. Слезы блестели на щеках.

– Вторая рация, – настаивал Антон, вцепившись в это простое и ясное объяснение. Он снова мыслил как взрослый современный мужчина, затапывал посеянные семена сомнения. Но подсознание хранило этот миг: миг, когда Антон уверовал в невозможное. – Вторая рация. И ваш сообщник, который пел идиотские песенки.

– Зайка. – Марина потянулась к дочери.

– Неправда, – пробормотала Аня. – Вы обманываете.

– Конечно, обманывают. – Марина зло поглядела на бывшего мужа. Выражение ее лица говорило: «Это твоя затея!» –

Не плачь, детка. Они пошутили так.

– Где вторая рация?! – Аня сорвалась на крик, слезы душили. – Уроды! Вы мне не друзья, уроды!

Катя и Чижик пытались защищаться. Марина обняла рыдающую дочь и повела прочь из комнаты.

– Ну, Антон, – шикнула она напоследок.

Ветер таранил стеклопакеты. Дождь заштриховал окна.

– Рады? – спросил Антон.

Он ненавидел себя, когда был не способен контролировать ситуацию.

– Нет у нас второй рации, – обиженно заявил Чижик, пряча приемник.

– Ой, да что ты оправдываешься. – Катя встала. – Антон Сергеевич, тебе надо думать, как дочь охранить. А не обвинениями разбрасываться.

– Вон. – Антон стиснул зубы.

– Досвидули.

Гости, задрав головы, вышли в коридор. Завибрировал мобильник. Антон хрустнул костяшками. Ругнулся.

– Да, мужик.

– Тоха, ты «вольво» собираешься пригонять?

– Собираюсь... – Антон застыл у зеркала, осмотрел себя неприязнью, покосился на тени в углах.

– Клиент вечером подъедет. Что я ему скажу? Хочешь, чтобы он об угоне заявил?

– Мужик, не до того.

– Да я вижу. А ты не задумывался, Тох? Может, ну его к черту, этот бизнес? Сосредоточишься на насущных проблемах...

В коридоре хлопнула дверь. Гости ушли. Взор запнулся о лежащий на постели планшет.

– Я перезвоню. – Антон прервал монолог коллеги. Подхватил гаджет, вышел из спальни, тыкая в экран на ходу. Планшет ожил. В браузере был открыт чат. SannyaNindzia переписывался с Hanter1971. Антон отворил входную дверь и высунулся наружу.

– Эй, Чижик! Ниндзя! Балалайку свою заberi.

Подъезд гудел сквозняками, урчал, как голодная утроба. Створки лифта были распахнуты. Антон представил пассажира, которого в кабине нет, – только отражение в заплеванном зеркале.

Он вновь посмотрел на экран.

Переписка заканчивалась восточкой от Hanter1971:

«Будьте крайне осторожны, не разозлите ее».

Аня выбежала из подъезда, замерла, будто врезалась в невидимую стену, будто поразилась, что на улице успело стемнеть. Поискала отца: он топал к машине, сунув в карманы руки.

Четырнадцатизэтажное здание мерцало веселыми огоньками, как новогодняя елка, но вокруг водили хоровод черные монстры – недостройки. Оцинкованный забор украшала табличка «Гулять по территории опасно для жизни!». Почему на зеркалах не пишут подобных предупреждений: «Не играйте! Опасно!»

– Пап!

Отец повернулся.

Слова застревали в глотке. Ветер остужал горячую кожу.

– Ты чего полуголая?

– Я...

Аня запахнула куртку. Она помнила, как два года назад у одноклассницы Лены развелись родители. Аня тогда сказала себе: с моими родителями такого не случится. Они любят друг друга, хоть и ссорятся часто.

Ошибочка.

Аня – не маленькая – знала, что разошлись мама с папой потому, что «она слишком деловая», а он «не хочет развиваться».

Но почему, если им было плохо вместе, порознь они не казались счастливыми? Мама вечно раздраженная, злая, похудевший отец... Может, некоторым людям нравится быть несчастными и печальными?

– Пап, не уезжай, пожалуйста.

– Зайка, я должен.

– Не должен. – Подмывало, как в детстве, окольцевать его руками, ткнуться в колючий свитер носом. – Переночуй у нас.

– Меня Глебыч убьет.

«А меня, – подумала Аня, – убьет женщина с черным ртом».

Конечно, не было никакой второй рации. Это Пиковая Дама трещала и шелкала ножницами. Аня видела в зеркалах. Сперва смутную тень. Потом лицо, щупальца, тощие лапы.

Пиковая Дама подбиралась к ней. Во сне облизывала лезвие ножниц гноющим языком и ухмылялась. Она отрезала нити, на которых крепилось сердце Матвея, но главной ее целью была Аня.

– Пап, съезди в мастерскую и возвращайся.

Он нагнулся, уперся ладонями в бедра.

– Я завтра приеду, ладно?

– Нет, – заупрямилась Аня.

– Они развели тебя. Это урок. Нужно тщательно выбирать друзей.

– Дело не в них.

– Утро вечера мудренее. – Он приподнял ее подбородок пальцем, улыбнулся. – Завтра в торговый центр сходим, мороженое поедим. Твое любимое, фисташковое.

Она терпеть не могла фисташковое мороженое.

Не слушая уговоров, отец открыл дверцы автомобиля. Магнитола шипела помехами. Аня заметила, как нахмурился папа.

– Дуй домой, – бросил он, садясь за руль. – Все устаканится.

Шум помех смешивался с шелестом ползущего по тротуару бумажного сора, целлофана и прелой прошлогодней листвы.

«Пускай она сломается», – взмолилась Аня.

Машина тронулась, покатила, разбрызгивая лужи. Затлевшие фонари оттенили унылые каркасы за оградами.

Аня смотрела, как уезжает отец, и задавалась вопросом, увидятся ли они снова? Не найдут ли ее окоченевшей в постели, с остриженными под ноль волосами?

Звездочки фар потухли в сумерках. Аня побрела к подъезду, опустив голову, подобрала рыжий осколок кирпича, валившийся у бордюра.

«Я ей не сдамся», – твердо решила она.

В подъезде Аня убедилась, что за ней не наблюдают, и вызвала лифт. Слушая скрип лебедок, встала напротив кабины и крепко зажмурилась. Створки дверей отворились лязгнув.

– Получай, – прошептала Аня.

Кирпич полетел в кабину. Зазвенело, осколки осыпали пол. Лифт стал свободным, безопасным.

– Выкуси, – сказала Аня.

Hanter1971: «Закройте зеркала, они усиливают ее влияние».

SannyaNindzia: «Если убрать зеркала, она исчезнет?»

Hanter1971: «Нет, но активность снизится. Если она наберется достаточно сил, станет очень опасной».

Вспоминая свой диалог с Экзорцистом, Саня вдруг ощутил прилив злости. Надутый индюк, Экзорцист притворялся специалистом по всему на свете, но сам сидел в своей безопасной берлоге, обложился книгами и лишь читал о паранормальных явлениях. Теоретик, он не нюхал пороха, а Саша нюхал. Порох пах полиролью, которой начищали пол в крематории.

Мама, завсегдатай психологических тренингов, учила, что из любой ситуации надо извлекать пользу. Что ж. Один плюс таки был. Это жуткая неделя сблизила его с Катей. Расставаясь на лестничной клетке, она даже чмокнула Сашу в щеку. Конечно, вовсе не тот поцелуй, о котором он мечтал вот уже четыре года, но и так сойдет...

— Мам, ты дома?

Квартира ответила тишиной. Тишина была ложной. Прислушавшись, Саша различил какофонию звуков: бурчание труб, вой ветра за окнами, подозрительный шорох из спальни.

– Ма?

Саша запер дверь, щелкнул выключателем. Коридор осветился – тьма попятилась в смежные помещения. Он выгрузил уки-токи на тумбу, медленно разулся.

Темнота казалась притаившимся, изготовившимся к прыжку зверем. Фантастическим хищником о четырех головах, по числу комнат.

– Спокойствие, только спокойствие, – Саша спародировал интонации Карлсона. Повесил на крючок куртку. Подошел к приоткрытой межкомнатной двери. Там, в маминей спальне, сторожило ростовое зеркало, сквозь которое твари из преисподней могли войти, не пригибаясь.

Саша закатал рукав и сунул пятерню в щель. Будто в прорубь: темнота сожрала кисть. Он похлопал по стене, сжавшись от мысли, что чьи-то острые зубы сейчас вопьются в мясо, освежают.

Пальцы нащупали выключатель. Вспыхнули лампочки, прогоняя темноту. Тот же трюк он проделал в остальных комнатах. Хмыкнул, удовлетворенный.

Слух уловил шуршание.

Саша выскочил из кухни. Свет в коридоре погас. Зато горела красная лампочка уки-токи. Будто глаз, выискивающий добычу. Шкала громкости колебалась. Держась у стены, Саша добрался до выключателя – и люстра засверкала поддельным хрусталем. Громкость на шкале рации опустилась до нулевой отметки. Ни шороха, ни чужого дыхания из ди-

намиков – дыхания, которое ощущаешь физически: теплые волны воздуха и смрад раскопанной могилы.

– Все хорошо, – сказал Саша пустой квартире.

* * *

В ванне, зажмурившись, он залепил зеркало пакетом. Если там и было какое-то лицо, то лишь сморщенное отпечатанное на целлофане лицо Анджелины Джоли.

Похвалив себя за усердие, Саша стал раздеваться.

Жизнь начиналась. Как его только не дразнили за семнадцать лет: очкариком, прыщавым, чебурашкой. Он избавился от очков. Прыщи исчезли с возрастом. Скоро он разбогатеет и сделает пластическую операцию, чтобы уши не торчали. Поступит в университет, где никто его не будет называть Чижилом. А Катя... пусть как угодно зовет, лишь бы рядом была.

Саша вытащил линзы, положил в контейнер с раствором. Поморгал. Очертания занавешенного зеркала, стиральной машинки, рукомойника привычно троились. Струя ударила из раструба, Саша встал под душ, наслаждаясь горячей водой. Он любил, чтобы кожа покраснела от почти кипятка.

Ванну заволокло паром.

«Катя, – размышлял Саша, усердно избегая мыслей о теньях за порогом. – Сладкая, длинноногая, волосы благоухают цветами. А губы...»

Он агрессивно драил себя мочалкой. Воображал Катю: она входит в ванную, на ней белое кружевное белье.

«Защити меня», – говорит Катя, и он клянется: «Никому не позволю причинить тебе боль».

«Мой рыцарь»...

Он улыбнулся, втирая шампунь в шевелюру. Клок волос спикировал, прилип к эмалированному дну. Саша поднес руки к глазам. Зарождающаяся эрекция тут же сошла на нет. Пальцы были облеплены волосами. Он ощупал затылок, нашел проплешины. И на висках. И на темечке.

Струи омывали плечи, сбивали отчекрыженные патлы. Ванна напоминала пол в парикмахерской после хорошей стрижки. Саша заскулил от ужаса. Отдернул шторку; локоть задел кран, и серебристый «гусак» спихнул в раковину контейнер с линзами. Прозрачные лепестки канули в слив.

Но не линзы тревожили Сашу.

Пакет больше не завешивал запотевший многогранник.

– Черт, черт, черт! – Саша перешагнул через бортик, целлофан мокро чавкнул под пяткой. Приплюснулась Джоли. – Гадство! – наполовину ослепший, Саша близоруко шурился. Абрис головы двоился в многограннике. Пар казался химическими ядовитыми испарениями.

Отпечаток руки возник на зеркале, словно невидимка шлепнул ладонью. Незримая пятерня съехала вбок, очищая амальгаму от конденсата.

«Я ей не нужен, – думал панически Саша. – Ей Анька нуж-

на».

Он вылетел из ванной, разбрызгивая воду. Но туман никуда не девался.

В коридоре шипело. Уоки-токи дразнился помехами. Свет опять погас. Саша метнулся на кухню, где оставил телефон: белый прямоугольник сливался с белой скатертью, Саша нашарил его вслепую.

Она была здесь, за спиной. Она отражалась в защищающем экран стекле. Щупальца-отростки ползли по обоям.

«Аньку забирай! Не меня! Не...»

Невероятной силы лапа схватила за волосы и подняла. Босые ступни болтались в двадцати сантиметрах над полом, капала вода, падали хлопья пены. Саша замычал от боли – слезы омыли зыбкий деформированный мир. Корни волос трещали. С хрустом тело врезалось в холодильник. На дверцах отпечаталось красное пятно.

Зазвонил оброненный телефон.

«Мама», – загорелось на дисплее.

Саша брыкался в воздухе, сучил ногами, тщетно отбивался. Щупальца обвили запястья, распяли. В живот вонзился металл. Пара лезвий проткнула кожу и жир – и стало горячо. Ножницы чавкнули, кровь хлестала из раны. В расфокусе проступило лицо. Плавающие дикие глаза изучали человека. Под их лучами мышцы ослабли, моча оросила столешницу.

Ножницы щелкнули, вырезая багровый шмат, суставчатая рука подплыла к пасти. Пиковая Дама поглотила кровавый

бутон.

«Это мой пупок», – подумал Саша отрешенно.

Спина врезалась в какую-то преграду – посыпались осколки, ветер опалил голое тело, замельтешило: небо-земля-небо.

И жизнь закончилась.

Редкие автомобили катили по влажно мерцающей междугородней трассе. Салоны – как компактные аквариумы со светом и фигурками пассажиров внутри. Филиалы уюта в ветреной ночи. Люди спешили домой, болтали по телефонам, строили хрупкие планы. А окрест простирались холодные угрюмые леса. Пики сосен покачивались на фоне беззвездного удушающего неба. Облака проглотили луну и поливали асфальт ледяным дождем.

Антон крутнул ручку магнитолы – бессмысленная болтовня диктора сменилась энергичным свинговым проигрышем. Дворники скребли по лобовому стеклу.

Антон был раздосадован. Как он мог даже допустить существование зеркального чуда-юда? Приколы тинейджеров, брак фотопленки, банальные сны объединить в некий заговор... мистическое преступление! Смешно же!

Нет, не смешно.

Он видел снимок из прозекторской: парящее над трупом костистое лицо. И это ни черта не брак пленки.

Он слышал щелканье ножниц в белом шуме... тех, приснившихся, с ржавой пуговкой крепления и неровными кольцами.

Разве Чижик врал, заверяя, что нет второй рации?

Не врал...

Антон ударил по рулевому колесу.

Сосны сливались в сплошной каскад черной хвои. Фантазия срежиссировала сценку: Антон бредет по лесу, а на опушке, оплетенное корягами, погруженное на треть в бурелом, стоит продолговатое растрескавшееся зеркало и что-то бьется изнутри: птица с щелкающим железным клювом.

На пассажирском сиденье завибрировал мобильник.

«Бывшая», – подсказал дисплей.

Антон сбросил скорость.

– Да?

Голос Марины дрожал. Антон съехал к обочине, притормозил.

– Что ты сказала?

Гул ветра и скрип дворников сопровождали ее слова:

– Саша погиб.

– Кто?

– Чижик.

Мозг ошалело переваривал информацию. Он же болтал с пареньком... полтора часа не прошло...

– Из окна выпал... или выбросили его.

– Ты уверена?

– Блин, да. Одиннадцатый этаж, всмятку.

Антон помассировал висок.

– Аня в курсе?

– Да. Во дворе полиция, скорая. Соседи на ушах.

Он отказывался верить. Слева прогрехотала фура, заста-

вила вздрогнуть.

– Антон, что происходит? Два мальчика из нашего подъезда умерли. Это... что-то типа «Синего кита»?

Взгляд упал на зеркало заднего вида. За отбойником, среди лоснящихся стволов, маячила женщина. Ветки торчали вокруг ее силуэта, как рога вокруг лосиной головы. Тонкие руки шевелились, перебирали в воздухе длинными пальцами. Словно подзывали.

Антон моргнул. Едва не выпустил телефон.

«Вот ты где, сука».

Щупальца мрака ползли по взрыхленной грязи. Женщина не таилась, показывала себя.

Из динамиков просочилась далекая мелодия. Колыбельная болот и распадков, ледяных ущелий, полярной выюги. Песня, которой мертвецы убаюкивают мертвецов в заброшенных таежных деревнях – под взором закопченных икон. «Папочка, – говорила крошечная Аня, – в гардеробе Худое привидение». Настоящее, невымышленное привидение отступило и растворилось за растопыренными сучьями.

– Ты здесь? – донеслось из телефона. В салоне играл свинг. – Алло?

– Да, здесь. Как Аня?

– Напугана.

– Ждите меня.

Он бросил мобильник на сиденье. Минуту разглядывал черный неприветливый лес. Адаптировался в этом новом – а

на самом деле древнем – мире, где из нарисованных помадой дверей выползали костлявые чудовища.

Не бред. Не сон. Не дурная шутка.

Пиковая Дама существует.

– Хорошо же, – процедил Антон, сдавая назад и разворачивая «вольво».

Деревья за окнами мелькали, как слайды свихнувшегося диапроектора, как картинки на вогнутой поверхности крутящегося зоотропа.

* * *

Во дворе мигали проблесковыми маячками служебные «приоры». Отсветы скользили по ребристому цинку ограды. Полицейские беседовали с продрогшими пенсионерками.

Антон не знал Матвея, зато знал Чижику. Безвредный остолоп, вся жизнь впереди...

А Аня? Она – следующая в списке? И что это за список? Накарябанные задом наперед имена смертников: «ашас», «яна»...

Полицейский в дождевике преградил дорогу, потребовал документы. Полистал паспорт, вернул, когда из подъезда выбежали Марина с дочерью.

Аня обняла отца – впервые за долгое время. Он вспомнил, как взял ее на руки в роддоме, и сердце заныло. Теплая беззащитная девочка дышала ему в грудь, хваталась за одежду.

– Все хорошо, – сказал он. – Я никуда не уйду.

– Пап, это она. Я знаю.

– Все хорошо, – повторил Антон.

Чмокнул Аню в макушку, посмотрел на приблизившуюся Марину.

– Это же чушь, – сказала бывшая жена, терзая сумочку. – Объясни ей.

– Садитесь в машину, – скомандовал Антон.

– Зачем?

– Переночуем у меня, а там разберемся.

Он махнул в сторону «вольво». Сам направился к подъезду.

– Куда ты? – испугалась Аня.

– Садитесь в машину, – не оборачиваясь, крикнул Антон. – Я сейчас.

Из лифта пропало зеркало, и Антона это устраивало. Не хотелось видеть своего клона, навечно застрявшего за грязным стеклом. Он вдавил кнопку, и кабина поехала вверх. На полу Антон заметил треугольный осколок. Выходит, зеркало разбили. Кто-то из спектрофобов? – так мысленно он обозвал компанию Ани. Теперь и он был в их числе. Посвященный. Тот, на кого положила глаз щелкающая ножницами нечисть.

Мог ли затравленный Чижик свести счеты с жизнью? Он даже малодушно обрадовался, узнав, что Пиковой Даме нужна Анька. Или уже дома узрел нечто такое, что заставило

броситься в пропасть? В многоэтажную бездну...

Осколок отражал лампу под потолком кабины. По треугольнику ползала муха. Антон наступил ботинком. Убрал подошву. Муха упорхнула вниз, в глубины осколка.

«Твои фокусы, тощая дрянь?»

Лифт выплюнул пассажира на десятом этаже. Тени бродили по лестничным клеткам, в пролетах выл ветер.

Антон позвонил. Металлическая дверь приоткрылась. Катя глянула в щель, закрыла дверь и сняла цепочку.

«Молодец, осторожничает».

Лифт, гудя, пошел вниз. Где-то залаяла собака.

Катя распахнула дверь. В атласном халате на голое тело – Антон старался не опускать взор на взгорья грудей. В присутствии Кати Антон странно тушевался.

– Прими мои соболезнования.

Катя посмотрела Антону через плечо, будто выискивала что-то в полутьме подъезда.

– Я последняя с ним разговаривала.

– Считаешь, он...

– Покончил с собой? – Катя фыркнула. – Он светился от счастья. Я поцеловала его в щеку. Здесь, на этаже. – Девушка коснулась припухших губ. – Ты знал, что он был влюблен в меня?

«А какой бы пацан в тебя не втюрился?»

Вслух Антон сказал:

– Мы уезжаем на дачу.

- О! – Лицо Кати вытянулось. – Стало быть, поверил.
- Творится какая-то фигня.
- Убийственная фигня.
- Как бы там ни было, поехали с нами.

Катя покачала головой.

- Не поеду.
- Тебе может грозить опасность.
- Поздненько метаться.
- Собирайся, и...

– Нет, – перебила Катя. – Тетка скоро приедет. А вам – хорошей дороги.

– Постой. – Антон сунул ногу в уменьшающуюся щель, придержал дверь. – Запоминай, – он продиктовал адрес.

– Ну, запомнила, – безразлично сказала Катя.

– Если что – давай к нам.

Катя улыбнулась грустно, и щель сомкнулась.

«Она не верит, – подумал Антон, – не верит, что есть шансы спастись».

Дачный поселок напоминал город-призрак. Нигде не горели окна, не звучали человеческие голоса. Марина держала за руку дочь и изучала соседние здания, запертые, пустые. Сотни вопросов будоражили душу. Как связаны естественная смерть Матвея и предполагаемый суицид Сани Чижики? Что сказать дочери, потерявшей за неделю двух приятелей? Почему Рюмины не дома, почему приехали к Антону? Кто-то преследует ребят?

Женщина из зеркала?

Марина вспомнила пиликающую рацию, шелканье ножей и мелодию, ввинчивающуюся сверлом в мозг.

Вспомнила еще кое-что: случай, о котором не рассказывала никому.

* * *

Марине было двенадцать, как Ане сейчас. Каждый год она ездила к бабушке в деревню, в Псковскую область. Вольготная река, грибной лес, цветочные поляны – чудесное время. И был в деревне дом – заброшенная развалюха на отшибе. Выбитые стекла, отвоеванный бурьяном и пыреем двор.

Соседка, Лера, сказала, что в доме жил маньяк. Он похитил ребенка – давно, родители того мальчика умерли уже,

а ровесники состарились. Милиция явилась к отшельнику, заподозрив неладное. Труп обнаружили в подвале. Частично съеденный. Людоед не отпирался. Его судили и приговорили к расстрелу, но ходили слухи, что призрак убийцы до сих пор обитает в доме.

«Давай проверим», – предложила бойкая Лера.

Долгий летний день никак не заканчивался. Девочки пролезли под забором, продрались через бурьян. Было еще светло, а значит, нестрашно, однако, как ни уговаривала себя Марина, страх прилип репейником.

Они прокрались вдоль облупившейся стены и заглянули в окна, зубастые от торчащих из рам осколков стекла. В комнате не было мебели. Вообще ничего не было – только мелкий мусор, тряпье, шевелящиеся на полу комья газет. Паутина серебрилась в углах, потолок вздулся пузырями, как обваренная кипятком кожа.

Скучный старый дом...

Непоседливая Лера уже придумывала следующие приключения: айда к водонапорной башне, там русалку видели.

Марина окинула окно прощальным взглядом.

В углу, замаскированный тьмой, вырисовывался нечеткий силуэт.

Марина протерла глаза. Просто тень. Тень от...

Мужчина выплыл из-за подоконника, как пловец из озера. Он был черным. Не как негр, а как человек, купавшийся в мазуте. На черной морде сверкали белые глаза, заточенные

белые зубы блеснули в пасти. Мужчина протянул руки: чтобы схватить Марину, втащить в свое логово и съесть живьем.

– Ну, ты идешь? – окрикнула Лера.

Марина смотрела сквозь осколки на мусор, паутину и ползущих по стенам мокриц.

Людоед ушел в дальние комнаты... из дома доносился низкий гул. Так урчит голодный желудок.

– Иду, – сказала Марина.

Дома она спросила у бабушки о людоеде. Не стала рассказывать про черную фигуру в окне, а просто спросила, кем был детоубийца. Бабушка рассмеялась.

– Людоед? В нашей деревне отродясь не пропадали дети, а в той мазанке два брата жили, оба на Афганской войне погибли.

Но если Лера сочинила про людоеда, тогда кого она видела в окне?

Проекцию, – подозревала Марина, повзрослев. Ее разум стал кинопроектором. Лера загрузила пленку – жутковатую историю, и фантазия слепила картинку в сумерках покинутой хаты. Призрак человека, который никогда не существовал.

«Так и Пиковая Дама, – думала Марина, входя в дом бывшего мужа. – Дети придумали ведьму и поверили байкам настолько, что воочию видят ее».

– Знал бы – убрался, – смущенно сказал Антон.

– Ничего, мы... – дежурная вежливость застопорилась на

устах. Марина осмотрела пол в следах грязной обуви, батарею винно-водочной стеклотары. Ужаснулась: как он живет на этой промерзшей даче?

– А мы здесь в безопасности? – спросила Аня.

– В полной, солнышко. – Марина помогла дочери снять куртку. Поискала вешалку, но крючки углового шкафа были отломаны.

– Кидайте одежду на кушетку.

Антон потрепал Аню по волосам и ушел в комнату справа.

– Вымой руки, – сказала Марина.

– А зеркало?

Марина открыла и, поразмыслив, закрыла рот.

– Постой-ка.

Створчатое зеркало над раковиной отразило усталое лицо. Чувствуя, как проваливается в средневековье, она занавесила зеркало полотенцем. Ругнулась мысленно.

Изучая антикварное дело, она читала небылицы про якобы проклятые вещи, несущие хозяевам смерть. Два, или три, или тысяча человек задохнулись во сне на кровати, принадлежавшей питерскому душителю. Финский шкаф, пользовавшийся плохой репутацией, стал последним приютом для маленького сына владельцев: его нашли, посиневшего, в ящике для белья; до того в этом ящике находилидохлых ласточек и мышей. Где-то хранилось трюмо екатерининской гувернантки, повинное в смерти музейного сторожа: заглянув ночью в зеркало, он перерезал вены и написал кровью

на стекле: «ОНО ПОЛЗЕТ».

Придавая поступку логический окрас, Марина сказала себе: «Если бы дочь боялась, например, цветов, я бы прятала от нее цветы».

* * *

В спартанской гостиной Антон завешивал тканью ростовое зеркало. Так герои фильмов про зомби заколачивают убежище изнутри, чтобы оградиться от мертвых прожорливых армий.

Марина улыбнулась дочери.

– Ты голодная?

– Нет. – Девочка потеряла веки, сдержала зевоту.

– Папа тебе постелет, а я скоро подойду.

Аня послушно двинулась за Антоном.

Марина вышла на кухню, слушая голоса за стеной. Обыденный диалог отца и дочери. Аккуратный и чистоплотный в семье, на вольных хлебах Антон развел свинарник. Марина покачала головой, разглядывая черные от налета чашки, жирные тарелки.

В холодильнике повесилась мышь. Банка сардин на полке да початая бутылка коньяка. Пыль и бутылки, просыпавшаяся гречка возле чумазой плиты.

Жалость накатила.

Антон вошел мрачнее тучи.

– Чем ты питаешься? – спросила Марина.

– А? – Он рассеянно поскреб щетину. – Консервами. Хочешь, кашу сварю?

– Нет аппетита.

– Тогда чай.

Антон зажег горелку. За окнами было так темно, будто стекла измазали черной краской.

Позвонил телефон Антона. Он буркнул: «Глебыч» – и отбил звонок. Марина кашлянула.

– Что происходит?

Антон помолчал минуту.

– Не знаю. – Кажется, он не решился поделиться одолевающими его мыслями. – Лучше расскажи, что с Чижиком случилось.

– Сашу сосед-собачник обнаружил. Минут через десять после твоего отъезда. Лежал на газоне, весь в крови. Его мама в крематории была, на похоронах Матвея. А теперь и она сына потеряла. Тош... – Марина скомкала сумочку. – Это же совпадение, да? В реальности же не бывает, чтоб...

Антон грохнул о столешницу чашкой. Оплескал кипятком заварку.

– Тош, мы разумные люди. Так не может быть. Не может!

Она думала о черном лице в заброшенной мазанке. О шорохах и шелканьях из рации покойного Чижика. О словах соседа думала: «Столько крови, будто его резали».

– Выпей, – сказал Антон. – Полегчает.

Марина принялась к травянистому аромату.

– Выпей и ложись с Анькой. Я на кушетке посплю.

Марина пригубила горький напиток. Антон, спохватившись, метнулся к окну – Марина чуть не подавилась чаем. Бывший муж поднял двумя пальцами карманное зеркальце, забытое на подоконнике, и брезгливо, будто насекомое, ки-нул в ящик. Захлопнул его и выдохнул облегченно.

– Жесть, – сказала Марина.

Кате снился Матвей. Голый, он стоял в антикварном шкафу Анькиной мамы. Держал под мышкой маску демона из какого-то старого ужастика, словно отрубленную голову. Шрам перевернутой буквой «У» алел на мускулистом торсе.

Он смотрел не мигая. Кожа отливала синевой.

– Ты же умер, – сказала Катя.

Между стенами и мебелью перемещались тени.

В семнадцать Катя отдалась Матвеем, лишилась с ним девственности. Отношения длились недолго – Катя считала, что достойна чего-то лучшего, чем нищий ровесник. Ей нравились мужчины старше, состоятельные и состоявшиеся, а Матвей был пылким глупым мальчишкой. Он отправился туда, где ему и место: во френдзону.

Теперь он был мертв и стоял в шкафу. По синему лицу сновала муха.

– Оставь меня в покое, – попросила Катя.

Матвей вспыхнул, точно это был шкаф духовки. Пламя мгновенно охватило золотые волосы, воспламенило кожу, проело булькающее кровью мясо до костей. Матвей скукожился как осенний лист и прошептал, выгорая до углей:

– Она за тканью.

Катя проснулась, села рывком. Мобильник, соскользнув с груди, плюхнулся на ковер. Жидкокристаллический монитор транслировал белый шум. Помехи, словно мухи, роящиеся на дохлятине.

Катя отдышалась, отряхнулась от кошмара как от налипшей паутины. В квартире было темно, но придвинутый к телевизору диван озаряла мельтешащая белизна. Тень Кати дрожала на стене, упираясь макушкой в потолок.

Тетя давно спала.

Катя поискала пульт. Не найдя его среди подушек, встала.

Ее охватило совершенно детское чувство, ощущение, что постель – единственное безопасное место и вокруг нее – джунгли, кишашие хищниками. Зря она ступила на пол. В ворсе ковра притаились змеи. Под диваном напружинился ягуар. Тигры бродят в коридоре.

Катя пересекла комнату и щелкнула кнопкой на мониторе. Помехи сменились красочным советским фильмом. Пионерка с бантами в косах замерла у трельяжа. Из зеркала на нее лился синий и красный свет.

«Не ходи туда», – взмолилась Катя.

Пионерка шагнула в зеркало.

Катя хлопнула по монитору – и экран погас. За окнами ревел ветер, дождь умывал каркасы долгостроя.

Катя повернулась. Телевизор включился за спиной, тень снова взмыла до потолка. А другие, чужие тени выползли из углов.

Охнув, Катя бросилась к дивану, запрыгнула, словно одеяло действительно могло уберечь ее от этой алчной тьмы. Монитор излучал белое сияние, рябил помехами.

Сидя на корточках, Катя озидала комнату. Камин, полки с фотографиями, макияжный столик. Показалось, или полиэтилен, оклеивший зеркало, чуть вздымался? Как если бы на него дули с той стороны. Как если бы тварь, хоронящаяся на пороге измерений, часто дышала...

Закричать? Разбудить тетю?

Но тетя и так косилась на нее как на психопатку. Подозревала, что она покуривает травку. Иначе как объяснить, почему восемнадцатилетняя девушка боится отражающих поверхностей?

Тетя все равно ничего не найдет. Разве что труп племянницы, и кричать будет поздно.

«Родители не поверили, конечно... врачи диагностировали вялотекущую шизофрению... наглотался очистителя для труб»...

Телевизор тихонько шипел. Сквозь статический треск проклеывался мотив... колыбельная, от которой по позвоночнику потек холодный пот. Дальняя стена терялась в темноте.

Чик-чик.

Катя прикусила язык. Заметила косметичку на журнальном столике. Осторожно, как в реку с аллигаторами, спустилась ступню на ковер. Рванула вперед, заграбастав добычу, кинулась обратно.

Чик-чик.

Катя поджала под себя ноги. Волны темноты окатывали диван – одинокий плот в штормовом океане. Катя нащупала круглое, блестящее: пудреницу. Отщелкнула крышку. Несколько дней она не смотрелась в зеркало и отвыкла от собственного лица. Но не внешность интересовала девушку, не стертый макияж. Выставив руку, подставив спину темноте, Катя водила пудреницей, словно перископом.

У камина щелкнуло.

Катя сместила угол обзора. Напряженно вгляделась в отражение.

Чик-чик.

Щелканье доносилось из коридора! В кругляше отобразился дверной проем.

Затихло. Тварь играла с ней, как кошка с полумертвой мышкой. Катя повела косметичку по дуге. Медленно сканировала комнату. Макияжный столик. Шуршащая пленка.

Это она? Пятно на полиэтилене – это силуэт Пиковой Дамы?

Рука тряслась, размазывая картинку. Свободной рукой Катя зафиксировала запястье.

Нет, это складки на пленке. По виску скользнула капля

пота. Краем глаза Катя засекала что-то длинное на подушке. Змея! Змеи вползают на диван!

Присмотревшись, Катя поняла – и легче от понимания не стало – за змею она приняла обрезок волос. Кто-то остриг ей локон, пока она спала. Сгорбился над бессознательным телом и орудовал ножницами.

Чик-чик.

Катя уставилась на окно. Лунный свет просачивался сквозь шторы.

«Она за тканью», – сказал мертвый Матвей во сне.

Катя повернулась, чтобы видеть через зеркальце окно. Сердце затрепетало, запекло в черепной коробке. По стеклам лениво сновали щупальца-отростки, а их сердцевиной была тощая и сутулая женщина. Ткань натянулась и треснула под давлением лезвий. Распоров занавески, Пиковая Дама вылезла в мерцающий квадрат.

Мама уснула сразу. Аня слушала ее дыхание, неглубокое и учащенное. Дремота прошла. Стеганое одеяло было волглым и пахло осенью. Она сама попросила не выключать лампу, но свет пробивался под веки и мешал расслабиться. Непривычная обстановка, атакующие мысли о Чижики и поскрипывание ставней также не способствовали успокоению.

Аня откинула одеяло, поднялась, нащарила ногами громадные и дырявые тапочки. Зашлепала стельками к комоду. Мама засопела во сне, потерлась носом о наволочку.

Дача изменилась, как и все прочее в ее жизни. Раньше Аня приезжала сюда летом. Обливалась водой из шланга, играла в малиннике, загорала на шезлонге. Мама крошила салат, переставала щебетать про старую мебель. Важный папа нашпиливал куски мяса на шампур, разводил костер... Как же давно это было.

Аня вздохнула, пробежала взглядом по корешкам пожелтевших скучных книг. Поверх томиков громоздились граммофонные пластинки, коробки из-под шоколада, заполненные всякой мелочевкой. Вылинявший медвежонок – подарок на пятый или шестой день рождения. Незавидная судьба вещей – гнить на даче, утратив ценность. И нет в мире коллекционеров, готовых купить и наполнить новым смыслом это старье.

Проникнувшись жалостью, Аня сняла мишку с полки, прижала к груди. Под плюшевой игрушкой обнаружилась стопка фотографий, перемотанных резинкой.

Мама застонала на кровати. Аня опасалась, что во сне будет поджидать Чирик. В лучшем случае – Чирик. Выудив фотки, она вышла на кухню, где тоже не экономилось электричество. Дом светил окнами на все четыре стороны, а вокруг, словно склепы, теснились дачи. И в их запертых комнатах зеркала отражали мрак.

Аня села за стол, примостила медвежонка на колено. Перебирала фотографии, слушая торжественную барабанную дробь дождя. Ночь серебрилась как черная сталь.

Папа распечатал снимки с телефона. Не только Анины, но и те, где он обнимал маму. Означало ли это, что он тоскует по бывшей жене? Рассматривает их в одиночестве, вспоминая хорошие времена?

Глаза увлажнились. Аня рукавом кофты вытерла слезу, но вторая, тяжелая, капнула на макушку медвежонка.

Море, пляж, родители держатся за руки – Аня документирует краткий миг эйфории.

Парк: папа смеется, мама притворно сердится, ее нос перепачкан в сливочном мороженом.

Дача: мама с папой обнимаются во дворе.

Они были красивой парой, ее родители.

Третья слеза капнула на медвежий загривок.

Под глянцевыми снимками были матовые, сделанные

мельницей. Маленькая Аня в коляске, в манеже, на санках. Щекастая, забавная.

У Саши Чижика тоже были такие фотки, он тоже был ребенком, стал подростком, юношей – и... и пустота. Пропать, сочный удар об асфальт.

Аня заслонила яркими прямоугольниками от дурных мыслей.

На последнем снимке молодые родители позировали около больницы. Папа демонстрировал горделиво белый сверток – дочь. Свежеиспеченный отец был румяным и вихрастым.

– Здесь тебе три дня. – Папа приблизился из-за спины, застал врасплох.

– Вы меня... планировали?

– Мы мечтали о тебе. – Папа сел напротив, уперся локтями в стол. – Не спится? Вот и мне...

– Какой я была? – Аня повертела в пальцах фотографию зареванной крошки.

– Замечательной. И самой любимой. Была и остаешься. – Взор папы затуманился. – В день твоего рождения шел сильный ливень. Машина заглохла – я думал, ты родишься прямо в салоне. Ловил попутки, промок. Старичок на «запорожце» нас подвез. Я обещал его крестным сделать, номер телефона взял, но в суматохе потерял. Я тебе про жуков рассказывал?

– Нет...

Папа улыбнулся.

– Захожу я в палату, а вы спите. Марина спит, ты у нее на животе. А по постели ползают божьи коровки. Штук сто, клянусь. Откуда взялись? Окна-то закрыты, роддом же! – Папа развел руками. – Чудо, не иначе. Я Марину разбудил осторожно, и мы смотрели, как они садятся на кожу. Говорили, это к счастью.

– Расскажи еще, – попросила Аня.

– Мы тебе имя выбрать никак не могли. Спорили. Я хотел, чтоб тебя Полиной звали, а Марина... не помню уже как.

– Полина, – примерялась Аня. – Красиво.

– Из роддома уезжали, садимся в такси. Водитель спрашивает, как ребенка зовут? Говорим, не придумали пока. А он нам: с места не сдвинусь. Мол, безымянных людей не вожу. Придумывайте давайте. И мы с твоей мамой смотрим друг на друга и хором говорим: «Аня». А почему именно Аня – бог весть. Мы имя это ни разу не обсуждали.

– Почему вы развелись?

– А как мама отвечает на этот вопрос?

– Отвечает, что характерами не сошлись.

– Быт... Быт семьи ломает. Зайка... – Папа потянулся к Аниной руке, к припухшему указательному пальцу. Кольцо блеснуло в свете лампы красным камушком. – Оно тебе не давит?

– Нет, – соврала Аня. Сунула руку под стол. И, чтобы сменить тему, спросила: – Мне теперь в школу ходить не надо?

– Надо, – огорчил отец. – В понедельник пойдешь, как по-

ложено.

– К понедельнику все закончится?

– Конечно. – Он заглянул Ане в глаза. – Конечно, зайчик.

«ОНА ИДЕТ!»

Эта фраза, фраза из сна, слова, нашептанные окровавленными губами, пульсировала в ушах. Антон облокотился о подушку, соображая, где находится. Мозг прогревался, как двигатель на морозе. Дача... бывшая жена с дочкой в соседней комнате...

Он всколомматил волосы пятерней. На улице брезжил рассвет, небо серело. Тени сгруппировались в сенях, подальше от окон. Антон намеревался зарыться под одеяло и подремать до семи, но мысль полоснула: «В гостиной не горит свет».

Он точно помнил, что оставлял лампу включенной.

Антон встал и надел кофту. Поскрипел половицами. Слух уловил негромкие звуки. Шепот... шорох... сдавленный хрип... Вскинувшись, Антон влетел в сумеречную комнату.

Дочь и Марина спали. Ему слышались и слабое шуршание, и призрачный шепоток. Но не хрип – он был реальным. Аня хрипела во сне, вся сморщилась, покраснела. Пальцы впились в наволочку.

Ее мучили кошмары. Неудивительно, после всего произошедшего.

Антон погладил дочь по плечу, липкому и горячему. Убрал за ухо волнистую прядь, укрыв одеялом. Посмотрел

на Марину. Спящая, она всегда молодела – не дашь больше двадцати пяти. Ворот рубашки съехал, обнажая ключицу. Родинки... он называл их картой звездного неба. Целовал эти созвездия на животе, на пояснице. Знал наизусть.

Нежность и вожделение смешались в равных пропорциях.

Что, если он ляжет между Аней и Мариной? Обнимет их, оградит от плохих снов? Поцелует эту красивую женщину в щеку тихонько, принюхается к аромату кожи и волос?

«Я любил тебя». – Горечь ожгла сердце.

Антон повернулся, чтобы уйти: в свое логово, в законное одиночество.

Простыня, закрывающая зеркало, вздулась парусом. Абсолютная тишина была ужаснее, чем любой шорох, чем даже клацанье ножниц. Кто-то толкал ткань изнутри, выпячиваясь. Фигура, облепленная розовой материей, проникала через рубеж: вот голова, вот рука, шарящая по полу, вот плечи. Секунда – и длинные суставчатые пальцы выпростаются из-под ткани и заскребут когтями по половицам.

«Тебе здесь не место!»

Поборов оцепенение, Антон ринулся через комнату и ударил ногой – ступня запуталась в пустой оболочке, простыня соскользнула.

Снова галлюцинации. Прodelки сквозняков и разыгравшейся фантазии.

Антон заглянул в зеркало, будто в лицо ненавистного врага. Щетина превращалась в полноценную бороду, на скулах

белели седые участки. Набрякшие мешки... точно старик, а не мужчина в расцвете сил.

Взгляд сместился на постель. Марина спала как убитая. Рядом с ней никого не было. Антон вперил взор в кровать – уже без посредства лживой амальгамы.

Дочь пропала. Подушка хранила отпечаток головы. На простыне лежала запятая срезанных волос.

«Я все еще сплю».

Антон ущипнул себя за предплечье, но надежды не оправдались.

– Зайка?

Истошный крик рубанул по ушам. Антон отшатнулся, едва не упал. Дочь стояла в углу – в том, из которого он только что пришел. Простыня, служившая защитой от зазеркалья, тогой обмотала ее. Девочка кричала, закатив глаза. Полумесяцы белков вызвали ассоциации с белоглазыми зомби – не ожившими мертвецами, а гаитянскими зомби, жертвами магии вуду.

– Что? Что? – всполошившаяся Марина изумленно моргала.

Антон бросился к дочери, схватил за плечи. Показалось, что в освободившемся зеркале кто-то скрежещет.

– Малышка! Малышка, тише!

Аня кричала, не реагируя на встряску. Он видел небные миндалины и вибрирующий язычок в широко распахнутом рту.

– Доченька! – Марина подскочила, впилась себе в волосы ногтями – от отчаяния и беспомощности.

Крик оборвался. Из-под век выплыли пустые остекленевшие глаза.

– Она здесь, – просипела Аня.

Ледяной холод объял Антона.

– Здесь никого нет!

– Что с ней? – взмолилась Марина.

– Она здесь, – повторила Аня, обмякнув у отца на руках.

Он поднял ее, избавился от простыни. Понес к постели, мельком отразившись в зеркале.

– Антон...

– Тс. – Он уложил обессиленную дочь на кровать. – Уснула. Или вообще не просыпалась.

– Хочешь сказать... это лунатизм?

– Это гораздо хуже.

– Надо отвести ее к врачу. К психологу. – Марина обхватила ладонями виски, будто пробовала череп на прочность.

– Психолог нас не спасет, – угрюмо проговорил Антон.

Аня пила на кухне какао – словно приступ померещился издерганным родителям. Марина потрогала ее лоб, Аня раздраженно тряхнула головой:

– Да здорова я, сколько можно повторять.

– Ты... спала хорошо?

– Хорошо. – Рядом с чашкой устроился компаньон – плюшевый медведь, подаренный Антоном много лет назад. Ненадежный защитник от худых призраков.

Марина вышла за Антоном из кухни, притворила дверь. Зеркало, снятое с крючка, стояло личиной к стене.

– Ничего не помнит, – поникла Марина.

– Это к лучшему. Ты как?

– Будто катком раздавили. Что дальше? Долго мы тут отсиживаться будем? Ане в школу послезавтра. У меня дела.

– Да забудь ты про дела, – буркнул Антон. – Никуда не денется старье это. Двести лет пылилось – пару дней подождет.

– Мы как погорельцы, – сказала Марина.

«Погорельцев, – подумал Антон, – пожар не преследует по пятам».

– Скажи, Марин... Чижик вчера за гаджетом своим не возвращался?

– За планшетом? Нет.

– То есть он дома?

– В гостиной. На столике-кабриоле.

– А по-русски?

– Стол с изогнутыми ножками. Возле шкафа.

– Я съезжу за ним. Чижик переписывался с мужиком...

специалистом по чертовщине разной.

– Чертовщина... – Марина выглядела как человек, которого сейчас стошнит. – Ты серьезно? Ты правда веришь?

– Так. – Антон потеревил бывшую жену за плечо. – Езжайте в центр. Сходите в кино, в Макдональдс, на коньках покатайтесь. Займите себя. Чтобы рядом люди были. – Он вынул кошелек.

– Деньги есть.

– Пожалуйста. – Антон сунул купюры в карман Марины.

– Захвати мне одежду, – попросила бывшая жена. – Кофту, джинсы, парочку трусиков. В шкафу, сам знаешь. И Анькины вещи.

– Захвачу. – Он застегнул молнию на куртке. И напутствовал: – Все время рядом с людьми.

* * *

От Глебыча цокнуло сообщение: «Я больше не желаю вести с тобой бизнес». Антон вырулил на дорогу и через минуту забыл про эсэмэску. С Глебычем разобраться проще, чем с тварью, присосавшейся к дочери.

Тучи бежали по небосводу, как на ускоренной видеозапи-

си. Тоскливый полдень мало чем отличался от тоскливого рассвета. Долгострой напоминали черепа инопланетных гигантов. И воронье траурно голосило над микрорайоном.

Дом, где жильцов уничтожал монстр из зазеркалья, сливался с черными фасадами нежилых зданий. Антон припарковался во дворе, кивнул старушкам, сплетничающим на лавке. Донеслись клочки разговора:

– Да какое там самоубийство, окстись.

Антон шмыгнул в подъезд, застыл, приложив ухо к закрывшимся железным дверям.

– ...весь в крови, мать бедная сказала.

– А что ты хотела? С высоты такой...

– У него дырка в брюхе!

– Напоролся на что-то... на сук...

– Ага, и сук ему кусок живота вырезал. А перед прыжком он описался. Петровна, убили пацана.

– Но квартира заперта была!

– Дубликатом ключей, значит, заперли...

Антон подумал, что существам, приходящим из зеркал, не нужны ключи.

* * *

«Не на того напала, – чеканил он в лифте. – Ох, не на того! Зубы, гадина, ломаешь».

Перед внутренним взором маячила страшная фигура за

соснами. Лысая, худющая мерзость. Щупальца...

Створки разъехались – Антон едва не откусил язык, так сильно клацнул зубами. У лифта стояла Катя в белой водолазке и стрейчевых штанах.

– Как ты меня...

– Прости.

– Предупреждать надо. – Он перевел дыхание. – Нервы на взводе.

– Я твою тачку в окно заметила.

– Идем. – Антон взял Катю за локоть. – Дома поговорим, подсобишь мне.

За время отсутствия квартира стала еще темнее. Тараканов травят химикатами. А чем вытравить тени, окопавшиеся по углам?

– Спокойная ночь была?

– Как бы не так, – скривилась Катя. – Я ее видела.

– Пиковую Даму?

– Угу. – Катя потупилась. В свете коридорных лампочек Антон видел ее изжеванные губы, синяки под глазами. – Она телевизор включила. Дразнилась, щелкала. Помнишь, мотивчик из уоки-токи?

Как не помнить? Тягучая колыбельная, пробуждающая в голове чужеродные образы: тайги, проклятых деревень, болот и старух с болотными отпрысками.

– Такая мелодия... и шорох...

– Тетку разбудила?

– Зачем? Чтоб она меня в дурку сдала?

– Нельзя одной...

– Умираем мы всегда одни, – философски проговорила

Катя.

Трудно не согласиться...

– Пиковая Дама была в зеркале?

– Нет. За шторой. Там сейчас разрез полуметровый – она ножницами пропорала.

– Она что-то сказала? – Лампочки потускнели: перепад напряжения.

Катя ответила, глядя на люстру.

– Нет. Я швырнула в нее пудреницей – и она исчезла. То ли играет с добычей, то ли сил достаточно не набралась. – Катя сощурилась на черную яму дверного проема. – Зеркало занавешено?

Антон вспотел за секунду. Пот был холодным, жгучим. Жестом приказал не двигаться, пошагал в гостиную.

– Зажмурься! – крикнула Катя.

Он смотрел в пол. Касался сундуков и спинок кресел, ища какую-нибудь ткань. Лобной костью ощущал присутствие зеркала в комнате. Старого, потрескавшегося, полного нечистых помыслов.

– Антон?

– Цел я. Не переживай...

Он протиснулся к кушетке. Одолеть зверя вслепую – так назывался конкурс. Победитель проживет... какое-то время.

– Антон, говори со мной.

– Говорю, говорю... – Он шел, будто астронавт в безвоздушном пространстве планеты, населенной убийцами. Или водолаз, исследующий впадину, полную акул. Плечом толкнул массивный шкаф, дверцы отворились, запищав противно.

«Оно наблюдает за мной», – подумал Антон.

В плафоне вспыхнули лампочки. Антон оглянулся на Катьку, потом – на комод. Зеркало закрывал чехол для одежды. В нем Марина хранила свадебное платье.

– Твою мать. – Антон пнул дурацкий криволапый столик. На столешнице подпрыгнул планшет.

– Я раньше мечтала о зеркальном потолке. Представляешь?

Антон поднял принадлежавшую покойнику вещь, потыкал в экран.

– Нужна зарядка.

Они прошли в Анину комнату, всюду включая свет. Зарядное устройство нашлось сразу. На мониторе забелело яблочко. Марина сказала, рассматривая серое небо за окнами:

– Я про Пиковую Даму в Интернете прочла. Ну, до ритуала. Что мальчик ее вызвал, и она его преследовала... волосы остригала.

У Антона скрутило кишки. Слайдом полыхнуло в голове: подушка, на ней обрезанный локон Ани.

– Парнишка умер. Наглотался средства для прочистки

труб.

– И ты все равно решила вызвать ее? – Антон сжал кулаки. Царапина запекла. – Умно, ничего не скажешь.

– Я не поверила. Кто бы поверил в такое? А ночью она стригла меня. – Катя помассировала затылок. – Утром я нагуглила тот пост. Это копипаста...

– Что?

– Копия другого, более старого поста. Короче, я нашла первоисточник. Заметка трехлетней давности в ЖЖ. Парень, оказалось, был из нашего города. Я и имя пробила, и аккаунт. В друзьях была девушка с такой же фамилией: у нее на странице – номер телефона. Девушка не появлялась онлайн с шестнадцатого года, но я позвонила, и она ответила. Сестра того мальчика. Она готова встретиться.

– Хорошо. – Антон склонился над планшетом. – Hanter1971 – это ваш Экзорцист?

– Наверное...

– Пишет: «В большинстве случаев она не опасна».

– Ну-ну...

– «Только пугает». «Наблюдайте, избегая отражающих поверхностей»... Он вроде в Сети?

– Разреши... Да, в Сети.

– Так-с.

Антон застучал по виртуальной клавиатуре.

«Вы здесь?»

Ответ пришел моментально. Будто Hanter1971 ждал.

«Что случилось, Саша?»

– Это же скайп, – сказала Катя. – Вон иконка видеозвонка.

– Точно... чайник...

Гаджет запиликал, и экран стал оконцем, ведущим в заставленный книжными стеллажами кабинет. Полутьма скрадывала лицо сидящего за столом мужчины так тщательно, будто над этим эффектом поработали профессиональные осветители.

– Он меня слышит? – спросил Антон.

– Слышу-слышу. – Голос глубокий, поставленный.

– Это вы... Экзорцист?

За плечом мужчины щебетала заточенная в клетку канарейка.

– А вы кто?

– Как прогнать Пиковую Даму? – без экивоков поинтересовался Антон.

– Я Сашке рассказал. И больше, чем следовало.

– Где вы живете? – Злила эта теневая маска над воротом свитера. Тоже мне, таинственный Джокер из долбаной колоды... – Давайте я приеду и пообщаемся.

– Не выйдет.

– Люди гибнут.

Экзорцист остолбенел. Антон даже почувствовал парадоксальное злорадство.

– Саша не говорил, что кто-то погиб...

– Саша мертв.

Мужчина засуетился, завозился в кресле.

– Так дела не делаются. Был договор... Кто погибнет – я не участвую.

– Не участвуешь? – Антон вцепился в планшет так, что по экрану расползлись радужные кольца. – Моя дочь в беде!

– Извините. Извините.

Оконце потухло. Hanter1971 вышел из Сети.

– Ублюдок, – прошипел Антон. – Он что-то знает.

– Так поезжай к нему. – Катя забрала планшет.

– Куда?

– Информация о профиле, ссылка... бинго.

Катя продемонстрировала карту на экране, перевернутая капля помечала точку.

– Геолокация. Двадцать первый век.

– Умница. – Возбужденный Антон схватил Катю за плечи.

Она отстранилась, посмотрела на него в упор. Синеву радужек заволокла пелена.

– Ты мне поможешь?

– Обещаю.

– Помоги мне сейчас.

– Как? – не понял Антон.

Катя отошла к стене и стащила с себя водолазку – он опомниться не успел. Тело было белым и ладным, под ребрами трепетал живот. Взгляд невольно прикипел к цветущим конусам маленьких нежных грудок. Бюстгальтер Катя не надевала. Ореолы розовых затвердевших сосков покрылись мураш-

ками.

– Помоги, – сказала девушка низким испуганным голосом. Синие глаза наполнились мольбой. – Полюби меня.

Пальцы юркнули под ремень джинсов – скинуть последнюю преграду.

– Перестань.

– Чтобы живой себя чувствовать... – напирала Катя.

Антон приблизился, отвел ее руку от ремня. Как давно он не стоял вот так перед обнаженной, предлагающей себя женщиной? Десять месяцев... или одиннадцать...

– Не хочешь здесь? – Она облизала сухие губы. – Поднимемся ко мне. Я все сделаю, я умею.

– Ну ты что, дура? – беззлобно спросил Антон. – Оденься.

– Сам ты... – Она толкнула его. Отвернувшись к окну, оскорбленная. Натянула водолазку, растрепав волосы.

Он потупился. Опешил.

– Грудь некрасивая, да? Плоская? Поэтому не захотел?

– Красивая-красивая. Но ты мне в дочери годишься.

– И? – она сунула руки в карманы, набычилась. – Знаешь, почему ты развелся?

– Знаю.

– И я знаю. Потому, что тебе не подходят ровесницы. Тебе надо молоденькую, чтобы восхищалась тобой, а не пилила. Я бы – восхищалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.